Сломанные девочки

Автор:
Симона Сент-Джеймс

Сломанные девочки

Симона Сент-Джеймс

Айдлуайлд-холл всегда был мрачным местом. В 1950-е в нем находилась школа-интернат для проблемных девчонок – смутьянок, незаконнорожденных, с отклонениями в развитии. Поговаривали, что в нем живет привидение, и местные жители предпочитали обходить его стороной. Интернат закрыли после таинственного исчезновения воспитанницы, одной из четырех близких подруг.

Спустя почти полвека недалеко от заброшенного здания нашли тело девушки. В ее убийстве был обвинен и впоследствии осужден парень, с которым она встречалась. Еще через двадцать лет страшная находка во время работ по реконструкции Айдлуайлд-холла связывает эти два трагических случая и ведет к жутким тайнам еще более далекого прошлого.

Симона Сент-Джеимс

Сломанные девочки

Эта книга посвящается моей матери, главному герою моей жизни.

Я люблю тебя, мама

Simone St. James

THE BROKEN GIRLS

Copyright © 2018 by Simone Seguin Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2019

Перевод с английского Марии Кленницкой

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019.

info@sindbadbooks.ru (mailto:%20info@sindbadbooks.ru)

www.sindbadbooks.ru (http://www.sindbadbooks.ru/)

www.facebook.com/sindbad.publishers (http://www.facebook.com/sindbad.publishers)

www.instagram.com/sindbad_publishers (http://www.instagram.com/sindbad_publishers)

Москва 2020

Пролог

Бэрроне, Вермонт Ноябрь 1950 г.

Когда девочка преодолела подъем на Олд-Бэрронс-Роуд, солнце уже скрылось за горизонтом. Наступала ночь, а идти оставалось еще три мили.

Воздух в сумерках стал густо-синим и студеным, контуры окружающих предметов в нем расплывались, будто в дыму. Прищурившись, девочка оглянулась на дорогу. Холодный ветер ерошил ее волосы и забирался под воротник. Вроде бы ее никто не преследовал.

Но она все равно приказала себе: «Быстрее».

И заспешила дальше. Из-под подошв ее тяжелых школьных ботинок разлетались камушки, ее длинные ноги разъезжались, как у жеребенка. Серая шерстяная юбка была ей мала и не доставала до колен, но сейчас девочке было не до этого. В чемодане, который бил ее по ногам, лежала еще одна юбка, от школьной формы. Скоро она в нее переоденется.

«Если повезет».

«Прекрати, дурочка! Лучше поторопись».

Ручка чемодана скользила в ее потной ладони. Она почти выронила его, когда вытаскивала из автобуса на остановке. Всю дорогу она смотрела в окно. Подмышки у нее намокли, по спине стекал пот. «У тебя все нормально?» – спросил водитель, заметив страх на лице девочки.

«Да-да», – она натужно улыбнулась, помахала ему и отвернулась, ударив себя чемоданом по коленям, стараясь идти так, будто перед ней шумная улица большого города, а не полоса растрескавшегося асфальта под названием Норт-Роуд. Тени стали длиннее. Она обернулась, когда у автобуса закрылись двери, и еще раз – когда он отъехал от остановки.

Кроме нее, из автобуса никто не вышел. Единственными звуками, которые она слышала, были шорох ее ботинок и далекий крик ворона. Она была одна.

Ее никто не преследовал – пока.

Часто дыша от быстрой ходьбы, девочка пошла по Олд-Бэрронс-Роуд. Она заставляла себя смотреть вперед, чтобы не искушать судьбу. Если не оборачиваться, за спиной не появится ничего плохого.

Снова подул холодный ветер, и ее взмокшая одежда заледенела. Не сбавляя шага, девочка наклонилась вперед. Можно было срезать через лес, пройти напрямую до спортплощадки, а там уже был шанс встретить кого-то из ее общежития. Это будет быстрее, чем идти кружным путем до парадного входа Айдлуайлд-холла. Но тогда девочке пришлось бы сойти с дороги в темноте, а в лесу легко сбиться с пути. Она не могла решить, что лучше.

Сердце девочки забилось сильнее, но потом вернулось к обычному ритму. Такое часто случалось с ней от перенапряжения или страха. От ядовитой смеси того и другого у нее ненадолго закружилась голова, мысли запутались. Здоровье у нее еще не пришло в порядок. Хотя девочке было уже 15 лет, грудь у нее еще не выросла, а месячные начались только в прошлом году. Врач предупреждал ее, что такая задержка возможна – это, мол, естественное биологическое следствие недоедания. «Ты еще молода и быстро восстановишься, – сказал он ей, – но для твоего организма это был сущий ад». Некоторое время девочка не могла забыть эту фразу, та то и дело всплывала в ее мыслях. «Для организма это был сущий ад». В каком-то смысле это было даже смешно. Когда дальние родственники, поглядывая на нее искоса, спросили, что сказал врач, она ответила: «Говорит, для организма это был сущий ад». Ответ их ошарашил, и девочка попыталась их как-то успокоить: «По крайней мере, у меня все зубы на месте». Они отвели глаза, не понимая, какое это достижение – сохранить все зубы. С тех пор она старалась молчать.

До главных ворот Айдлуайлд-холла теперь было ближе. Память девочки работала странно: она забыла имена половины одноклассниц, но до сих пор помнила обложку ежегодного альманаха для девочек «Блэкиз Герлз», который нашла на полке в школьном общежитии. На ней была девчонка в платье с низкой талией в стиле 20-х годов с резвым псом на поводке. Она стояла на склоне холма, прикрывая глаза от солнца ладошкой, и ветер развевал ее волосы. Девочка так часто смотрела на эту обложку и так часто видела ее в своих снах, что могла воспроизвести каждую черточку рисунка. Частично его очарование крылось в невинности, в молочной чистоте героини, которая всего лишь вышла прогуляться с собачкой, не задумываясь о врачах, зубах, болячках, струпьях и прочих неприятных вещах, которые у любого другого человека, как он ни старайся вычеркнуть их из памяти, всплывали в ней помимо его воли.

Девочка не слышала ничего за своей спиной. Она просто почувствовала, что там кто-то есть. За свистом ветра в ушах и стуком ее башмаков пряталось эхо какого-то другого звука, почти не заметный шепот, на который был настроен ее слух. На этот раз она повернула голову, – в шее что-то хрустнуло, словно в знак протеста, – и увидела фигуру на дороге. Она уже преодолела подъем по Олд-Бэрронс-роуд и начала спускаться вниз.

«Из автобуса ведь вышла только я. Больше никого не было».

Но она ведь всегда знала, что так будет. Вот почему девочка все это время шла так быстро, не чувствуя лица от холодного ветра. Теперь она почти перешла на бег. Становилось все темнее, и она отчаянно моргала, оглядываясь вокруг и пытаясь узнать места. Сколько еще до школы? Успеет ли она?

Девочка снова оглянулась. В сгущающихся сумерках она разглядела длинную черную юбку, узкую талию и дымчатую вуаль на лице женщины, колышущуюся на ветру. Под подолом двигались невидимые ноги. Фигура становилась все отчетливее, потому что женщина приближалась. Она не ускоряла шаг, но каждый раз, когда девочка оглядывалась, расстояние между ними сокращалось. Лица за вуалью было не разглядеть, но девочка знала, что глаза женщины прикованы к ней.

В панике она резко свернула с дороги в лес. Тропы не было, и она начала с трудом пробираться через густые заросли. Сухие стебли кололи ей ноги даже через колготки. Через несколько мгновений дорога исчезла из поля зрения, и она пошла наугад, надеясь, что все еще движется по прямой в сторону спортплощадки Айдлуайлд-холла. Неровная почва замедляла шаг, пот стекал между лопаток и пропитывал дешевую хлопковую блузку, которая прилипала к коже. Чемодан становился все тяжелее, и скоро девочке пришлось его бросить. Она не слышала ни звука, кроме собственного дыхания, резкого и дрожащего.

Вдруг ногу пронзила боль – девочка подвернула лодыжку. Но останавливаться было нельзя. Прическа растрепалась, а ладони были расцарапаны ветками, которые она отводила от лица. Девочка продолжала бежать. Впереди уже виднелась старая ограда Айдлуайлда – через сломанные и прогнившие штакетины легко можно было пробраться внутрь. За спиной она не слышала ни звука. А потом услышала.

«Мэри Хэнд давно умерла

И из могилы к тебе пришла.

Поспеши. Не дай ей до тебя добраться.

Будет плакать она и просить…»

Деревья впереди становились реже, и через них было видно поле, залитое жемчужно-белым светом месяца.

«Но не вздумай ее впустить».

В груди у девочки жгло, из горла вырвался всхлип. Она не готова. Не готова! Несмотря на все, что случилось, – а может, как раз из-за этого. Кровь все еще стучала у нее в висках, ее тело все еще боролось за жизнь. Но в один момент, полный чистой и жуткой ясности, она поняла, что эта борьба бессмысленна.

Девочка всегда знала, что чудовища существуют. И теперь они были здесь.

Она обернулась в темноту и закричала.

Глава 1

Бэрроне, Вермонт

Ноябрь 2014 г.

Резкий звонок мобильного телефона заставил Фиону вздрогнуть на водительском кресле. Она подалась вперед и схватилась за руль, вглядываясь в

темноту за лобовым стеклом.

Фиона моргнула, чтобы сконцентрироваться. Она что, уснула? Она помнила, как припарковалась на усыпанной гравием обочине Олд-Бэрронс-Роуд, чтобы посидеть в тишине и подумать. Видимо, она задремала.

Телефон, лежащий на пассажирском кресле, снова зазвонил. Фиона быстро протерла глаза и взглянула на светящийся в темноте экран. Там значилось имя Джейми и время – три часа ночи. Если бы Деб дожила до этого дня, сегодня ей исполнилось бы 40 лет.

Фиона взяла телефон и ответила на звонок:

– Джейми.

Его голос на том конце, заспанный и осуждающий, был похож на густой рокот.

– Я проснулся – а тебя нет.

– Я не могла уснуть.

– И поэтому нужно было уезжать? Что за фигня, Фи? Ты где?

Она открыла дверцу машины и свесила ноги наружу. Воздух был прохладным. Она ожидала, что Джейми разозлится, но ничего не могла поделать.

– На Олд-Бэрронс-роуд. Сижу в машине на обочине внизу холма.

Джейми замолчал – она знала, что он высчитывает в уме дату. День рождения Деб.

– Фи.

– Я собиралась просто поехать домой. Честно.

Она вышла из машины, чувствуя, что отсидела ноги. Холодный воздух резко, как пощечина, выбил из нее остатки сна, ветер взъерошил волосы. Она дошла до дороги и поглядела в обе стороны, засунув свободную руку в карман ветровки. С той стороны, откуда она приехала, виднелся дорожный знак – 30 миль до Берлингтона – и размытыми огнями светилась круглосуточная заправка на холме. Еще выше по дороге, за холмом, был перекресток с Норт-роуд с кучей ресторанов фаст-фуда, еще несколькими заправками и парой неизвестно на что надеющихся в этой глуши гипермаркетов. В противоположном направлении, впереди машины, зияла только темнота, как будто Олд-Бэрронс-Роуд внезапно обрывалась.

– Тебе не обязательно было ехать домой, – сказал Джейми.

– Я знаю, – ответила Фиона. – Но мне некуда было себя деть, а тебя будить не хотелось. Поэтому я уехала и только потом подумала.

Он вздохнул. Фиона представила его в этот момент: на нем старая футболка и боксеры, он откидывается на подушки, и, когда прикрывает рукой глаза, его мышцы перекатываются под кожей. В половине седьмого Джейми нужно было вставать на смену. Она действительно не хотела его будить.

– О чем задумалась?

– О том, сколько машин ездит ночью по Олд-Бэрронс-Роуд. Если оставить машину у обочины, сколько времени пройдет, пока кто-то проедет мимо и заметит ее? Копы говорят, что Тим Кристофер не мог так долго прятать здесь свою машину, но ведь на самом деле они не проверяли эту гипотезу, так?

Ну вот, началось. Ее демон вырвался наружу и заговорил. А ведь она научилась так хорошо его скрывать. Эта идея не давала ей покоя несколько недель перед днем рождения Деб. Фиона старалась сдерживаться, но сегодня, лежа без сна, поняла, что больше не может.

– Плохо, если не проверяли, – сказал Джейми. – И ты это знаешь. Я понимаю, что ты много думаешь о сестре. Но горевать – это одно, а поехать в Айдлуайлд – это совсем другое, Фи.

– Я знаю, – ответила Фиона. – И я знаю, что мы с тобой уже про это говорили. И с терапевтом. И что прошло двадцать лет. Я пыталась не зацикливаться, честно. – Она не хотела, чтобы ее голос звучал умоляюще, но он себя выдал. – Просто выслушай меня, хорошо?

– Окей, говори.

Фиона сглотнула.

– Я приехала и припарковалась на обочине. И просидела здесь, – она взглянула на часы, – полчаса. Полчаса, Джейми. Мимо не проехало ни одной машины.

На самом деле, по ее расчетам, она провела здесь 45 минут, но 15 из них проспала в машине, поэтому не брала их в расчет.

– Он вполне мог припарковаться здесь и сделать это. До Айдлуайлд-холла здесь 10 минут через лес. У него была куча времени.

Она слышала дыхание Джейми в телефонной трубке. Они были вместе уже год, – ее саму это иногда удивляло, – и Джейми понимал, что обычные пустые фразы здесь будут не к месту Какая разница, это ее не вернет. Преступник уже за решеткой. Это было 20 лет назад. Тебе нужно жить своей жизнью. Вместо этого он сказал:

– В девяносто четвертом году на Олд-Бэрронс-Роуд все было по-другому. В восточной части еще существовал кинотеатр для автомобилей. Не то чтобы там было много посетителей, но подростки часто там собирались, особенно на Хэллоуин.

Фиона заставила себя проглотить слова протеста, поднимавшиеся в горле. Джейми был прав. Она зябко вздрогнула и посмотрела через дорогу, в темноту. Когда-то кинотеатр находился там, но сейчас на его месте было пусто. Экран давно сняли, киоск с попкорном снесли, осталась только поросшая травой поляна посреди деревьев. Фиона вспомнила, как в детстве умоляла родителей свозить их с Деб сюда, думая, что это будет какое-то удивительное приключение, настоящий пир для всех чувств. Но она быстро поняла, что это бесполезно. Ее родители-интеллектуалы скорее полетели бы в космос, чем пошли в кинотеатр на «Полицейского из Беверли-Хиллз 2». Деб, которая была на

три года старше и умнее, только пожала плечами – а ты, мол, чего ожидала?

– В четверг в ноябре в кинотеатре под открытым небом вряд ли было много детей, – ответила она.

– Но кто-то все-таки был, – сказал Джейми. В его голосе звучала простая логика человека, жизнь которого еще ни разу не разваливалась на куски. – И никто из них не видел машину Кристофера. Следствие все это выяснило.

Фиона чувствовала, как ей на глаза давит усталость, но внезапно проснувшаяся энергия не давала ей стоять спокойно. Она повернулась спиной к холму и огням заправки и, оставляя машину позади, пошла вперед, в темноту.

– Понятное дело, ты думаешь, что они все выяснили, – ответила она Джейми, и это прозвучало более резко, чем она рассчитывала. – Ты же коп, ты обязан в это верить. Девушку убили, величайшие умы штата Вермонт раскрыли дело, и плохой парень отправился за решетку. В твоем мире это так выглядит.

Гравий на обочине хрустел под подошвами ботинок, ветер продувал Фионе джинсы и холодил ноги. Ее тело вздрогнуло от волны холода, пробравшейся сквозь одежду. Она подняла воротник.

Джейми не поддавался на провокацию – одна из его черт, которая так ей импонировала.

– Фиона, я знаю, что они все выяснили; знаю, потому что читал материалы дела, и не один раз. Как и ты, что вообще-то на моей работе считается нарушением правил. В них вся информация. И по-другому ее не истолковать.

– Конечно, это же была не твоя сестра, – сказала Фиона.

Джейми помолчал, словно признавая это, а затем продолжил:

– Тима Кристофера обвинили, судили и признали виновным в убийстве Деб. Последние 20 лет он провел в тюрьме строгого режима. Но ты все еще ездишь на Олд-Бэрронс-Роуд в три часа ночи.

Чем дальше она шла, тем темнее становилось. К тому же на нее будто обрушилась волна холодного воздуха – она уже не чувствовала собственного носа. Ей пришлось плотнее запахнуть куртку.

– Я хочу понять, как он это сделал, – сказала она.

В 1994 году тело ее задушенной сестры нашли посреди поля для хоккея с мячом у заброшенной школы Айдлуайлд-холл. Ей было двадцать лет. Она лежала на боку с прижатыми к груди коленями и открытыми глазами. Рубашка и лифчик на ней были разорваны. Последний раз ее видели в общежитии колледжа в тридцати милях отсюда. Ее парень Тим Кристофер был обвинен в убийстве и провел в тюрьме 20 лет. Он до сих пор утверждал, что невиновен.

Фионе в то время было семнадцать. Ей не нравилось думать о том, как это убийство разрушило ее семью или повлияло на ее собственную жизнь. Проще было стоять на обочине и думать, как Кристофер донес тело ее сестры до места, где его нашли. Это до сих пор не было до конца ясно, потому что ни на поле, ни в лесу не осталось следов обуви или шин. Территория Айдлуайлда была обнесена оградой, но та была ветхой и во многих местах поломанной. Тим легко мог бы протащить тело через какой-нибудь пролом. Если, разумеется, он шел здесь.

Джейми был прав. Черт бы побрал его и его полицейское мышление, с которым ее собственный журналистский ум никак не мог ужиться. Эта деталь не давала Фионе покоя. Другим людям удалось залечить душевные раны и пойти дальше, и ей тоже стоило бы найти себе хоть какую-то «подпорку» (алкоголь или наркотики – неплохой вариант) и хромать потихоньку вместе со всеми. В очередной раз вздрогнув от холода, она, вглядываясь в темноту деревьев, тем не менее снова задала себе вопрос: «Как он смог дотащить сюда тело Деб и не оставить никаких следов?»

Фиона все еще держала телефон около уха и слышала дыхание Джейми на том конце. Он ждал.

– Ты меня осуждаешь.

– Вовсе нет, – запротестовал он.

– Это слышно по тому, как ты дышишь.

– Ты серьезно?

– Я…

Она услышала за спиной шорох шагов и замерла.

– Фиона? – Джейми как будто тоже почувствовал что-то.

– Тсс, – инстинктивно прошептала она.

Она стояла очень тихо, наклонив голову. Вокруг была почти полная темнота. Айдлуайлд-холл, школа-интернат для девочек, закрылся в 1979 году, задолго до смерти Деб; с тех пор он стоял заброшенным, его ворота оставались закрытыми, территория заросла травой. В этой части дороги, у въезда на территорию школы, не было ни одного фонаря – да и вообще ничего, кроме ветра среди деревьев.

Она осторожно повернулась на каблуках. Шорох чужой обуви по гравию она расслышала очень явственно. Если это какой-то псих, бродящий по лесу ночью, то ей даже нечем будет защитить себя. Придется только кричать Джейми в трубку и надеяться на лучшее.

Сейчас ее окружала кромешная темнота, в которой не раздавалось ни звука. Не успевшие опасть сухие листья подрагивали на черных ветвях.

– Что за херня? – рявкнул Джейми. Ругался он, только если был очень взволнован.

– Тише, – ответила она. – Тут никого нет. Ничего страшного. Мне показалось, что я что-то слышала, вот и все.

– Стоит мне напомнить тебе, почему прогулка по темной заброшенной дороге глубокой ночью – это плохая идея?

– Тебе никогда не казалось, что с Олд-Бэрронс-Роуд что-то не так? – спросила она. – Я имею в виду, ты вообще бывал здесь? Тут немного жутковато. Кажется,

будто что-то…

– Все, я больше не могу, – сказал Джейми. – Возвращайся к своей машине и езжай домой, а не то я сам приеду и заберу тебя.

– Иду, иду

Руки у Фионы до сих пор дрожали, даже та, которая словно намертво приклеилась к телефону По ее телу пробежала, спустившись вниз по хребту, волна адреналина. Она слышала шаги. Настоящие шаги. Холма отсюда не было видно, его закрывали деревья. Внезапно ей захотелось увидеть внушавшие спокойствие огни заправки. Только она сделала шаг в ее направлении, как ее осенила внезапная догадка; она развернулась и быстро направилась к воротам Айдлуайлд-холла.

– Надеюсь, ты идешь к машине, – мрачно сказал Джейми.

– Я заметила надпись на воротах, – ответила Фиона. – Раньше ее не было.

Она подошла довольно близко, чтобы можно было разглядеть надпись в темноте. «Строительный проект Macmillan Construction Ltd»,

– Джейми, почему тут написано, что в Айдлуайлд-холле ведется строительство?

– Потому что оно ведется. Они начинают на следующей неделе. Два года назад участок продали, и новый хозяин вступает во владение. Насколько я слышал, они собираются там все реставрировать.

– Реставрировать? – Фиона моргнула, стараясь запомнить надпись на воротах. – И что здесь будет?

– Новая школа, – ответил Джейми. – Они все починят и снова откроют школу-интернат.

– Что?

– Я не хотел тебе об этом говорить, Фи. Я знаю, как много для тебя значит это место.

Фиона сделала шаг назад, все еще глядя на надпись. Реконструкция. На поле для хоккея, где лежало тело Деб, будут играть девочки. Старые здания снесут, на их месте построят новые. Соорудят парковку, возможно, расширят дорогу. Она знала это место – место гибели Деб – как свои пять пальцев, а теперь его не станет.

– Черт! – воскликнула она, снова разворачиваясь и идя к машине. – Я еду домой. Позвоню тебе завтра.

Глава 2

Кейти

Бэрроне, Вермонт

Октябрь 1950 г.

Когда Кейти Уинтроп впервые увидела Айдлуайлд-холл, она чуть не расплакалась. Она ехала на заднем сиденье семейного «шевроле» и смотрела на дорогу через просвет между плечом отца (в сером костюме) и матери (в креповой блузке). Когда в конце Олд-Бэрронс-Роуд показались большие черные ворота, Кейти внезапно почувствовала, как к глазам подступили слезы.

Ворота были открыты – а это, как она вскоре поняла, случалось нечасто. Отец молча въехал в ворота и продолжил путь по неимоверно длинной, грязной подъездной дороге. Кейти во все глаза смотрела на выросшее перед ними здание – главный корпус школы – высотой в три этажа и бесконечно длинное, с вытянутыми остроконечными окнами, похожими на ряд зубов, нарушаемый лишь портиком над входной дверью. Стоял август, воздух был густым и жарким, духота предвещала дождь. Чем ближе они подъезжали, тем больше Кейти казалось, что они едут прямиком в пасть зданию. Она судорожно сглотнула и старалась сидеть прямо и тихо, а огромное серое строение впереди все росло и

росло.

Отец остановил машину, и на секунду повисла полная тишина – слышен был только стук двигателя. Айдлуайлд-холл выглядел мрачным, без каких-либо признаков жизни. Кейти посмотрела на маму, но та, повернув голову, глядела в окно невидящим взглядом. Кейти сидела так близко, что могла рассмотреть мамин макияж.

– Простите меня! – хотелось ей сказать. – Пожалуйста, не оставляйте меня здесь. Я не смогу. Пожалуйста, простите.

Но она промолчала.

– Я возьму твои вещи, – сказал отец.

Это было два года назад. Теперь Кейти привыкла к Айдлуайлду: к длинным обшарпанным коридорам, пахнущим плесенью и девичьим потом, к окнам, которые зимой по краям затягивало изморозью; к влажному, рыхлому запаху, который круглый год стоял на поле для хоккея на траве; к школьной форме, не менявшейся с момента основания школы в 1919 году.

Другие девочки охотно подчинялись Кейти. Она была их лидером – темноволосая, красивая, немного агрессивная и храбрая. Не то чтобы она стала популярной в школе, но пару раз ей приходилось пускать в ход кулаки, и она легко побеждала. Если ты умеешь показать себя, то ты уже наполовину победила, и Кейти неуклонно придерживалась этого правила. В интернате для брошенных девочек нелегко выжить, но Кейти сжала зубы, и у нее получилось. С родителями она виделась два раза в год – летом и на Рождество. Она так перед ними и не извинилась.

В общежитии, которое называлось Клейтон-холл, девочки размещались по четверо в комнате. Никогда нельзя было знать наверняка, с кем тебя поселят. Одна из первых соседок Кейти, девочка с вечно спутанными волосами из Нью-Гемпшира, утверждала, что происходит из семьи настоящей салемской ведьмы, и любила бесконечно напевать что-то себе под нос, сидя над учебником латыни. При этом она так яростно грызла ноготь на большом пальце, что Кейти начинала задумываться, насколько это веский мотив для убийства. После того, как «салемская ведьма» уехала, ее место заняла длинноногая кучерявая девочка,

чьего имени Кейти не запомнила. Почти каждую ночь она тихо рыдала в подушку, пока однажды крупная и всегда чем-то раздраженная Шарлотта Кэнкл не встала с кровати и не сказала:

– Прекрати уже реветь, ради бога, не то скажу девочкам, чтобы они тебя подержали, а я расквашу тебе нос.

Никто ей не возразил. Плачущая девочка с тех пор вела себя тихо, а через несколько недель покинула комнату.

Шарлотта Кэнкл тоже переехала в другую комнату на их же этаже – случилось это после драки с Кейти, одной из тех, в которых Кейти удалось выйти победительницей. И теперь комнату 3С с ней делили, пожалуй, вполне нормальные девчонки. Айдлуайлд был последней надеждой для родителей – сюда привозили тех, в ком разочаровались или кто слишком упорствовал в непослушании. Скрытая в лесах Вермонта, школа насчитывала всего 120 учениц: незаконнорожденных дочерей, дочерей от первого неудачного брака, дочерей служанок, дочерей иммигрантов, девочек, которые плохо себя вели и не хотели учиться. Здесь всегда велись войны, и ни одна ученица не доверяла другой, но Кейти странным образом чувствовала, что только эти девочки способны ее понять. Когда она рассказывала, сколько раз сбегала из дома, они только пожимали плечами: подумаешь!

Однажды ночью, после отбоя, она села на кровати и потянулась за пачкой сигарет, спрятанной под подушкой. Стоял октябрь, и по единственному высокому окну в их спальне барабанил дождь. Кейти постучала по кровати на втором ярусе.

– Снеси!

– Что?

Снеси, конечно же, не спала. Кейти уже давно определила это по ее дыханию.

– Я хочу рассказать тебе историю о привидениях.

– Правда? – Снеси перегнулась через край кровати и посмотрела вниз на Кейти. – Про Мэри Хэнд?

– Только не это, – раздался голос со второго яруса кровати в противоположной части комнаты. – Снова истории про Мэри Хэнд?

– Тихо, Роберта, – сказала Сисси. – А то Соня проснется.

– Я не сплю, – ответила Соня из-под одеяла с нижнего яруса второй кровати. Сейчас, в полудреме, ее французский акцент был сильнее обычного. – Заснешь тут, когда вы болтаете.

Кейти достала сигарету из пачки. Всем в комнате было по 15 лет. В Айдлуайлде уже давно селили вместе девочек одного возраста, иначе старшие начали бы издеваться над младшими.

– Про Мэри Хэнд кто-то написал в моем учебнике латыни, – сказала она. – Смотрите.

Она достала из-под кровати старый, пахнущий плесенью учебник и маленький фонарик. Фонарики в Айдлуайлде были запрещены, но это правило нарушали все девочки без исключения. Крепко держа его в руке, Кейти долистала до нужной страницы.

– Видите?

Сисси спустилась вниз со второго яруса. Из них четверых у нее была самая большая грудь, поэтому она стыдливо прикрывалась накинутым на плечи одеялом.

– А, – сказала она, глядя на страницу, – у меня есть то же самое в учебнике грамматики. Ну, или, по крайней мере, что-то похожее.

– Что там?

Роберта не могла разглядеть надпись со своей кровати. Она выросла из ночной рубашки, и из-под подола были видны ее тонкие лодыжки. Темно-русые волосы

были заплетены в косу. Она бесшумно спрыгнула со второго яруса на пол и заглянула через плечо Снеси. Кейти услышала ее мягкий вздох.

На узких полях страницы было написано карандашом:

«Видела Мэри Хэнд в окно 1G, Клейтон-холл. Она шла по полю. Среда, 7 августа 1941 года. Дженни Берд».

Глядя на эту надпись, Кейти почувствовала какой-то нервный толчок, укол страха, который она не хотела показывать другим. Все в школе знали про Мэри Хэнд, но карандашные записки каким-то образом делали ее более реальной.

– Это ведь не шутка, – сказала она, не спрашивая, а утверждая.

– Не шутка, – подтвердила Сисси. – В моей грамматике было написано так: «Туалет, третий этаж, в конце западной стены. Там я видела Мэри». И дата стояла – 1939 год.

– Это предупреждение, – сказала Соня, которая тоже встала и выглядывала из-за спины Роберты. Она пожала плечами и снова подалась назад. – Я их тоже видела. Кажется, учебники здесь с тех пор не меняли.

Кейти пролистала ветхие страницы своего латинского учебника. На первой стояли цифры «1919», год основания Айдлуайлда. Кейти попыталась представить, как выглядела школа в то время: новенькое здание, новенькая форма, новенькие учебники. Сегодня, в 1950 году, Айдлуайлд превратился в машину времени, в место, где понятия не имели об атомной бомбе, шоу Техасо Star Theatre или телевидении. В каком-то смысле было логично, что девочки из Айдлуайлда вынуждены были передавать друг другу сообщения на полях учебников, рядом со списком сражений Войны за независимость или описанием химического состава йода. Учителя никогда не заглядывали в эти книги, а школа их не списывала. Если нужно предупредить новеньких о Мэри Хэнд, лучше места не найти.

«В окно 1G, Клейтон-холл». Кейти зажгла спичку и прикурила от нее.

– Не стоит, – безразлично сказала Роберта. – Сьюзан Брейди почувствует запах и задаст тебе.

– Сьюзан Брейди уже спит, – ответила Кейти.

Сьюзан была комендантшей на третьем этаже общежития и относилась к своей работе очень серьезно, за что ее никто не любил. Кейти выключила фонарик, и все четверо остались в темноте. Роберта стащила на пол подушку и уселась, оперевшись спиной на узкий шкаф. Соня тихо прошла к окну и открыла его, чтобы выпустить сигаретный дым.

– Так что, – Сисси повернулась к Кейти, – ты ее видела?

Кейти пожала плечами. Она уже жалела, что завела этот разговор. Она знала этих девчонок, но не так хорошо, чтобы доверять им. Ей стало тревожно, когда она снова посмотрела на карандашные записки в учебнике латыни. На самом деле она не до конца понимала, что с ней произошло. Ей хотелось бы просто увидеть призрак Айдлуайлда в ванной – это было бы просто и ясно. Когда с ней это произошло, она чувствовала, что все по-настоящему, но описать случившееся словами она не могла. Кейти сглотнула слюну и сменила тему.

– Как вы думаете, она правда тут училась? – спросила она остальных.

– Я слышала, что да, – ответила Роберта. – Мэри ван Вортен из хоккейной команды говорит, что однажды зимней ночью Мэри Хэнд вышла из школы, не смогла попасть обратно и умерла.

– Это, должно быть, случилось очень давно. – Снеси забралась в кровать Кейти. – Я слышала, что по ночам она стучит в окна – просит, чтобы ее пустили внутрь. И что она уговаривает девочек выйти на улицу и пойти за ней. Но если так сделаешь, умрешь.

С Снеси Кейти прожила в одной комнате дольше всех и знала ее лучше, чем других девочек, потому что ее можно было читать, как открытую книгу. Снеси была незаконной дочерью богатого банкира от горничной, и большую часть жизни ее перебрасывали из интерната в интернат. Поразительно, но это не заставило ее возненавидеть отца. С матерью, которая работала экономкой в Бостоне, она поддерживала близкие отношения. Все это Снеси успела

рассказать Кейти во время знакомства, пока вешала на вешалку полосатый форменный пиджак и убирала на место клюшку для хоккея с мячом.

– Иногда, когда среди деревьев дует ветер, можно услышать, как она поет на поле для хоккея, – добавила Роберта. – Что-то вроде колыбельной.

Этой истории Кейти не знала.

– Ее можно услышать?

Роберта пожала плечами. Она пробыла в Айдлуайлде всего несколько месяцев, в то время как все другие девочки жили здесь уже больше года (а Соня – целых три). Роберта была умницей и прирожденной спортсменкой, но держала язык за зубами. Никто ничего не знал о ее семье. Кейти не могла понять, что Роберта здесь делает, но взгляд у нее был такой же, как у большинства местных девчонок, – как будто она спряталась и смотрит на мир из-за высокой стены, – так что причина, вероятно, все же была.

– Сама я ее ни разу не видела, а я четыре раза в неделю там тренируюсь. – Роберта, как обычно, повернулась к Соне: – Соня, а ты что думаешь?

Соня была противоположностью Снеси – полная загадка. Бледная, тонкая, тихая, легко перепархивающая из компании в компанию в сложной иерархии школы, она казалась слишком отрешенной даже для Айдлуайлда. Она приехала из Франции, и после войны, когда столько девочек лишились отцов и братьев и столько мужчин вернулись домой измученными из лагерей для военнопленных, никто не спрашивал Соню о ее прошлом. В школе она жила дольше, чем все другие девочки в их комнате.

Соня была абсолютно закрытой от мира, как будто ей хватало того, что происходило в ее собственной голове. Ловкая, подтянутая и грациозная Роберта по какой-то причине оказалась очарована Соней, и их часто можно было видеть рядом. Казалось, им очень хорошо вместе, и Кейти тоже начинала желать чего-то подобного. Ей никогда не было хорошо с кем-то. Поклонницы у нее были всегда – но не подруги.

Соня перехватила взгляд Кейти и пожала плечами. Даже в простой ночной рубашке этот жест вышел у нее каким-то по-европейски прохладным.

– От призраков прока нет, – сказала она со своим нежным, мелодичным акцентом. – Я слышала то же, что и все остальные: что она ходит в черном платье, а лицо у нее закрыто вуалью. Странный выбор для прогулки зимней ночью.

Даже в темноте от ее взгляда не укрылось выражение лица Кейти.

– Ты что-то видела, так?

Кейти посмотрела на забытую сигарету у себя в руке.

– Я ее слышала, – ответила она и затушила окурок о медную медаль за достижения в учебе, много лет назад забытую в спальне кем-то из учениц.

– Слышала? – переспросила Сисси.

Кейти глубоко вздохнула. Мэри Хэнд казалась ей чем-то вроде семейной тайны. Одно дело – рассказывать страшилки в темноте, но совсем другое – открывать свой шкафчик в раздевалке перед уроком физкультуры и чувствовать, как чья-то невидимая рука толкает дверцу назад. Всегда были какие-то мелочи: ощущение, что за тобой следят, или порыв холодного воздуха в коридоре. Никогда нельзя было быть уверенной, что это ей не почудилось, и потому Кейти никому не говорила, чтобы не выглядеть глупой. Но этот случай был другим, и о нем нужно было рассказать.

– Это было во внутреннем дворе. На тропинке, что идет мимо столовой.

Девочки закивали. Главное здание школы изгибалось подковой, окружая внутренний двор с неухоженными деревьями и заросшими мощеными дорожками.

– Я боюсь ходить в той части. Особенно мимо сада, – сказала Сисси.

Кейти тоже боялась. Сад никому не нравился, хотя в расписании занятий стояли еженедельные уроки садоводства, на которых девочки лениво ковырялись в сырой, пахнущей гнилью земле. Даже учителя старались держаться от сада подальше.

– Я пошла туда покурить после ужина и сошла с тропинки, чтобы меня не заметила миссис Пибоди – она сама там часто курит, хотя ей запрещено. Я стояла под большим кленом. И тут я что-то почувствовала. Там кто-то был.

Сисси, увлеченная рассказом, подалась вперед.

– Но ты ничего не видела?

– Я слышала голос, – ответила Кейти. – Он был… Я точно его не выдумала. Он прозвучал так, как будто кто-то стоял совсем рядом. Я слышала очень четко.

Она и сейчас помнила этот момент под кленом во всех подробностях. Она стояла на ковре их кленовых крылаток, и, когда услышала голос прямо за правым ухом, то уронила сигарету, а волоски у нее на шее встали дыбом. Айдлуайлд – древнее место, и страх здесь был древним. До этого момента Кейти думала, будто знает, что такое страх. Но когда голос заговорил, она поняла, что страх – куда старше и огромнее, чем можно себе представить.

– Ну, – поторапливала Роберта. – Так что она сказала?

Кейти откашлялась.

– «Не шевелись».

На мгновение воцарилась тишина.

– Господи, – мягко произнесла Снеси.

Первым делом Кейти почему-то взглянула на Соню. Та сидела на полу в тени под окном, опершись на стену, прижав колени к груди. Она совсем притихла. Кейти не могла понять, смотрит Соня на нее или нет. Где-то дальше по коридору хлопнула дверь. По потолку что-то постукивало, как будто где-то капала вода.

– Но почему? – спросила Соня. – Почему она тебе это сказала?

Кейти так резко пожала плечами, что почувствовала, как сжимаются мышцы, хотя в комнате было темно, и другие девочки все равно бы этого не увидели.

– Понятия не имею, – огрызнулась она, и голос у нее сломался против ее воли. – Я ее слышала, вот и все. Больше мне сказать нечего.

Вранье. Полное вранье. Но откуда бы древнему призраку все знать?

«Не шевелись». Она не могла об этом говорить. Ни с кем. Пока не могла.

– И что ты сделала? – спросила Роберта.

Это был простой вопрос.

– Рванула нахрен оттуда.

Только Сисси, сидевшая, прислонившись к изголовью кровати, охнула, услышав ругательство. Для незаконнорожденной ей дали тонкое воспитание.

– Я бы тоже убежала, – призналась она. – Я однажды видела мальчика. У Элсмеров.

Эту фамилию носила семья отца Сисси, но ей она не досталась.

– Однажды я играла на заднем дворе, пока мама работала. Взглянула вверх, а там в окне стоит мальчик и смотрит на меня. Я помахала, но он мне не ответил. Когда я спросила у мамы, почему мальчика не пускают на улицу, она очень странно на меня посмотрела и сказала, что мне показалось. И чтобы я никогда не говорила про мальчика, особенно при Элсмерах. Больше я его никогда не видела. Интересно, кто это был…

– Мне бабушка часто рассказывала про призрака, что жил у нее на чердаке, – сказала Роберта. Он все время передвигал мебель и шумел. Бабушка говорила, что иногда ночи напролет лежала и слушала, как он таскает по полу сундуки и буфеты. Мама думала, что бабушке просто хочется внимания, но однажды летом я прожила две недели в бабушкином доме и тоже это слышала. Все было так, как она рассказывала, – слышно было, как кто-то двигает по полу мебель, потом

поднимает старую медную напольную лампу и ставит на другое место. На следующее утро я спросила, может быть, это делает призрак дедушки, а она посмотрела на меня и ответила: «Нет, милая. Это кое-что похуже». – Роберта замолчала на какое-то время. – Больше я туда не возвращалась. В тот же год на Рождество бабушка умерла, и мама продала дом.

– А ты, Соня? – спросила Сисси. – Ты когда-нибудь видела призрака?

Соня вытянула ноги, встала и закрыла окно. Снаружи перестало тянуть холодом, но Кейти все равно знобило.

– Что мертво, то мертво, – ответила Соня. – От призраков прока нет.

Кейти смотрела на ее силуэт в почти полной темноте. Ее слова прозвучали пренебрежительно, но все-таки Соня не сказала, что не верит в привидений. Или что ни разу их не видела. Или что они не существуют.

Она знала, и все они знали.

Дождь снова забарабанил в окно. «Не шевелись», – снова сказал голос в голове Кейти. «Не шевелись». Она крепко обхватила себя руками и зажмурилась.

Глава 3

Бэрроне, Вермонт

Ноябрь 2014 г.

– Джонас, – сказала Фиона на следующее утро, входя в захламленный офис «Лайвли Вермонт». – Ты знаешь, что Айдлуайлд-холл реставрируют?

В большой комнате никого не было, но дверь в кабинет Джонаса была распахнута, и Фиона знала, что он там. Он всегда был там. Она протиснулась между столов и картонных коробок, которыми была забита большая комната, и

направилась к логову владельца журнала, он же занимал пост главного редактора.

– Это ты, Фиона Шеридан? – раздался голос изнутри. – Давно я тебя не видел.

Она добралась до двери и взглянула на Джонаса. Тот склонился над столом, рассматривая распечатанную фотографию. Компьютер за его спиной был выключен. Типичный Джонас.

– Тогда мне повезло, что я на тебя не работаю, – ответила она.

Редактор поднял глаза:

– Ты фрилансер. Это считается.

Фиона не могла не улыбнуться.

– Только не в том случае, если хочешь получить медстраховку.

Он сделал непроницаемое лицо, но Фиона знала, что он шутит. Джонасу Куперу был примерно полтинник. У него были темно-русые с сединой волосы, зачесанные назад и лежавшие красивыми волнами. Живые глаза, резкие темные брови. На нем была футболка, а сверху полурасстегнутая рубашка в красно-черную клетку. Джонас и его жена купили «Лайвли Вермонт» более десяти лет назад, и после развода в прошлом году он изо всех сил старался удержать журнал на плаву.

– У тебя есть для меня материал? – спросил он.

– Нет, – ответила Фиона. – Я уже прислала тебе одну статью в пятницу. Ты сказал, что и на нее не хватит бюджета.

– В этом выпуске не хватит. Но всегда есть следующий.

«Не факт», – подумала она. «Лайвли Вермонт» был лишь одним из нескольких местных журналов, для которых она писала, и все они отчаянно цеплялись за жизнь.

– Что это? – спросила Фиона, показывая на фотографию.

– Работа местной девушки-фотографа, – ответил Джонас. Он снова посмотрел на фото перед собой и пожал плечами. – Живет в Ист-Шарлотт. В целом снимает неплохо. Я бы даже мог сделать с ней большую статью, если бы ее кто-нибудь написал.

– Нет. Совершенно точно нет.

– Почему? – Джонас откинулся на спинку своего винтажного офисного кресла и бросил фотографию на стопку бумаг.

– Потому что я только что написала для тебя про крафтовый сыр. В этом месяце я тебе больше ничего не должна.

Джонас посмотрел на нее так, будто хотел сказать: «Я знаю, что ты врешь». Так и было. Фиона отлично писала про милую чушь и никогда не претендовала на звание великого журналиста. Ей просто не хотелось иметь дела с фотографом, потому что фотографы всегда спрашивали ее об отце.

– Подумай вот о чем, – сказал Джонас. – Если статья выгорит, я, возможно, поскребу по сусекам и даже заплачу за нее. Так о чем ты там кричала, когда зашла?

У Фионы забилось сердце, как будто она собиралась попросить у Джонаса что-то запретное.

– Айдлуайлд-холл. Я слышала, его восстанавливают.

Джонас посмотрел на нее рассеянно, затем кивнул:

– Новый владелец.

– Кто он такой?

– Она. Маргарет Иден. Вдова инвестиционного гения Джозефа Идена. Это имя тебе что-нибудь говорит?

Фиона припомнила что-то связанное с финансовым кризисом 2008 года. Она видела Идена в новостях.

– Так это он купил участок?

– Нет. Все сделала вдова после его смерти. Вроде бы она даже приехала из Нью-Йорка, чтобы контролировать работы.

Фиону немного уязвило, что Джонас все это знает.

– Эта земля много лет принадлежала Кристоферам, – сказала она. – С тех пор, как школа закрылась в 1979 году. Мне никто не сказал, что участок продали. И что там будет строительство.

На лице Джонаса появилось сочувствие.

– Это не мой участок, – мягко сказал он. – И строительство до последнего было всего лишь темой для разговоров. Я не думал, что кто-то на самом деле этим займется.

– Но кто-то им все же занимается. Прошлой ночью я видела объявление на воротах.

Джонас молчал. В 1994 году его здесь еще не было – он переехал после покупки редакции, – но он знал об убийстве Деб, о том, что ее тело нашли на территории Айдлуайлда, и об осужденном Тиме Кристофере. Все об этом знали. Ни семья убитой, ни родственники самого известного городского убийцы не могли рассчитывать на сохранение тайны. И даже Джонас понимал, что в поездках Фионы к Айдлуайлду было что-то нездоровое.

– Не надо, – предупредила Фиона. – Ничего не говори.

Он поднял руки в знак оправдания.

– Это твое дело. Я всего лишь выпускаю журнал.

Какое-то время Фиона молча смотрела на него, чувствуя, как адреналин этой ночи еще пульсирует в крови.

– Так что, тебе правда нужна от меня статья?

– Почему-то мне кажется, что я пожалею, если скажу «да».

– Айдлуайлд, – сказала Фиона. – Вот про что я напишу. Возьму интервью у Маргарет Иден, изучу планы школы, осмотрю все постройки, сделаю снимки – всё как надо.

– Господи, – сказал Джонас. – Я не знаю, Фиона.

– Подумай про местный колорит, – продолжила она, чувствуя, как у нее начинают пылать щеки. – Возрождение, новая школа, больше рабочих мест. И ты первый об этом напишешь. Это будет гораздо лучше статьи про фотографа. Разве не это нужно «Лайвли Вермонт»?

Она взглянула ему прямо в глаза и добавила:

– Все нормально, Джонас. Я справлюсь, честно.

К своему облегчению Фиона увидела, как сомнение в его взгляде сменил профессиональный расчет. Джонас и его бывшая жена Эмили купили «Лайвли Вермонт», когда это было независимым аналитическим изданием для янки, но под руководством Эмили оно постепенно превратилось в беззубый бытовой журнальчик из тех, что печатают объявления о продаже свечей за 80 долларов и пледов ручной работы за пять штук. Джонасу это всегда не нравилось. Ему хотелось большего, и поэтому он продолжал давать Фионе работу в надежде, что однажды в ней проснется журналистский талант ее знаменитого отца.

– Это интересно, не спорю. Но у меня не хватит бюджета на такую статью.

– Я напишу ее наудачу, – ответила Фиона. – И сама сделаю все снимки. Тебе даже не придется у меня ее покупать. Просто позволь мне позвонить Маргарет

Иден и сказать, что я работаю на «Лайвли Вермонт». Так мне проще будет установить с ней контакт.

– Допустим. А что я получу за то, что ты используешь название моего журнала?

– Бесценный опыт, когда твоему журналу впервые откажут.

Джонас обдумывал ее предложение, а Фиону переполняло нетерпение.

– Ну же, Джонас. Ты же понимаешь, как тебе это выгодно.

Выглядело так, будто он почти согласился, но вместо «да» он произнес:

– Кажется, ты хочешь попросить меня еще об одном одолжении?

– Верно, – Фиона выдохнула. – Я хочу начать с истории Айдлуайлда. Пустишь меня в архив?

Первый номер «Лайвли Вермонт» был напечатан на фотокопире в 1969 году, и с тех пор все выпуски хранились в обшарпанных деревянных ящиках для бумаг, которые каждый раз переезжали вместе с издательством. Сейчас они стояли у стены, а на одном из них покоились тарелка с остатками пончика и чашка недопитого кофе.

– На самом деле, сходила бы ты в библиотеку, – скептически заметил Джонас, глядя, как Фиона открывает старые ящики. – У них уж точно больше информации по Айдлуайлду.

– В библиотеке меня все знают, – ответила Фиона. От бумаг шел запах плесени, который на секунду заставил ее почувствовать себя чуть счастливее. – Если они пронюхают, что именно я ищу, сохранить тайну не выйдет.

И она не кривила душой. Знаменитый журналист Малкольм Шеридан был местной легендой, а Фиона – его единственной дочерью, да еще и с приметными рыжими волосами. За прошедшие годы Фиона много раз посещала библиотеку, чтобы покопаться в документах, и персонал (преданный делу, но немногочисленный) уже знал ее в лицо.

– Ладно, – сказал Джонас. – А почему вообще это секрет? Только не говори мне, что конкуренты готовы любой ценой отобрать у тебя этот сюжет.

Фиона повернулась и посмотрела на него через плечо. Он не отвел взгляд.

– Я еще ни разу не встречал журналиста, который боялся бы библиотекарей.

– Ты ни разу не встречал журналиста с такой семейной историей, как у меня, – ответила Фиона, стараясь говорить с самым непринужденным видом. – Ненавижу сплетни. Я легко могу найти и другие источники, особенно в интернете.

Повисло молчание. Она достала из ящика подшивку журнала за 1969–1979 годы.

– Если бы тебе понадобились надежные источники инормации, ты бы запросто их раздобыла у своего отца, – сказал Джонас.

– Я знаю. – Фиона захлопнула ящик. – Я как раз собиралась его навестить. Вот и узнаю у него что нужно.

– Хорошо. Главное – верни мои документы в целости и сохранности. И еще, Фиона… – Джонас пожал плечами. – Как я уже говорил, дело твое. Но тебе придется написать о Кристоферах. Этого не избежать.

Он был прав. До того как их сына отправили в тюрьму за убийство, Кристоферы были самым богатым и влиятельным семейством в городе. Вполне вероятно, что в подшивке, которую Фиона держала в руках, было что-то о родителях Тима. Но она будет решать проблемы по мере поступления.

– Я же сказала. Напишу, – ответила она Джонасу.

Казалось, будто Джонас хочет сказать что-то еще, но в конце концов он лишь произнес:

– Передавай привет отцу.

Малкольм Шеридан был кумиром Джонаса, и только благодаря этому ее еще терпели в «Лайвли Вермонт».

– Я позвоню, – сказала Фиона, благодарно помахала ему подшивкой журналов и повернулась к двери.

* * *

Стоял серый ветреный день, и солнце едва проглядывало из-за облаков. Листва уже превратилась из разноцветной в жухло-коричневую и почти вся облетела. Ветер забросил на лобовое стекло несколько кленовых листьев, и Фиона смахнула их, садясь в машину.

Она завела мотор, быстро взглянула на себя в зеркало заднего вида – рыжие волосы, карие глаза, бледная кожа и уже различимые в ее 37 лет «гусиные лапки» – и отвела взгляд. Возможно, когда-нибудь ей стоит начать краситься. Или расширить свой гардероб, состоящий из джинсов, ботинок и стеганой куртки на молнии. По крайней мере, пока не наступит зима. Она бросила документы на пассажирское сиденье и направила машину к центру Бэрронса.

Городской центр состоял из нескольких хорошо сохранившихся старых зданий, привлекающих внимание редких туристов. Хозяева домов в рабочих кварталах, окружавших центр, изо всех сил надеялись, что приезжие не замечают покосившиеся веранды и дрова, сложенные на подъездных дорожках к гаражам. Фиона проехала мимо библиотеки, обшитой вагонкой, а еще через полмили – мимо написанного краской из баллончика объявления о продаже тыкв, хотя Хэллоуин давно миновал. Она выехала на площадь в самом центре Бэрронса, миновала старую ратушу и поехала дальше по Нью-стрит к полицейскому участку.

Фиона оставила машину на небольшой парковке и забрала с пассажирского сиденья документы. Вокруг не было ни души. Квадратное здание участка было построено в 1970-х, когда Бэрроне наконец-то разросся настолько, чтобы позволить себе полицейский участок. Перед ним под старыми дубами стояли два стола для пикника; Фиона села за один из них, забравшись с ногами на стул, и достала телефон. «Ты на работе?» – написала она Джейми.

Ждать пришлось пять минут. Фиона взялась за первый файл в подшивке, когда пришел ответ: «Уже выхожу».

Фиона засунула телефон в карман и вернулась к документам. Она понимала, он не торопится, потому что все еще злится за прошлую ночь. Но в конце концов дверь участка открылась, и из нее появился Джейми, натягивая теплую парку поверх полицейской формы.

Фиона подняла глаза и теперь смотрела на него. Честно сказать, от Джейми Крила трудно было отвести взгляд. Достойный наследник отца и деда, начальников вермонтской полиции, он обладал пепельно-светлой шевелюрой, темно-синими глазами и медово-золотистой щетиной на подбородке. Джейми был младше Фионы (ему было 29, ей – 37) и двигался легко и ловко даже сейчас, застегивая куртку на ветру.

– Ты был занят? – спросила Фиона, когда он подошел поближе.

Он пожал плечами.

– Печатал отчеты.

Джейми был без шапки, и ветер ерошил его волосы. Он остановился в нескольких шагах от стола – руки в карманах, ноги расставлены.

– Я пришла извиниться, – сказала Фиона.

Он вскинул брови:

– За что?

– За то, что психанула вчера ночью и уехала.

Глаза Джейми сузились.

– Но на самом деле ты не считаешь себя виноватой, – заметил он.

– Но я все равно извиняюсь, – Фиона выдержала его взгляд. – Прости меня, ладно?

Он не ответил, но показал на папку с документами, которую она придерживала от ветра.

– Что это?

– Документы из «Лайвли Вермонт». Я изучаю историю Айдлуайлд-холла.

Джейми провел рукой по лицу:

– Это связано с тем, что произошло прошлой ночью? Фиона, ты серьезно?

– Это для дела, – запротестовала она. – Я пишу статью.

– Про Айдлуайлд?

– Про реконструкцию и новую школу, – она вгляделась в его лицо. – Это хорошая идея.

– Может быть – для кого-то. Но не для тебя.

– Не волнуйся, я большая девочка. Я справлюсь.

– Вчера ты не справилась, – ответил он. – Ты чуть с ума там не сошла.

Она действительно повела себя странно, но не жалела об этом. Поездка на Олд-Бэрронс-Роуд что-то в ней всколыхнула. Айдлуайлд постоянно присутствовал в ее сознании, и она двадцать лет делала все возможное, чтобы не говорить об этом. Когда же ей удалось высказаться, это было словно кровопускание – болезненное, но необходимое.

– Мне уже лучше, – сказала она и похлопала ладонью по столу рядом со своим. – Садись.

Джейми вздохнул, но подошел к столу. Фиона смотрела на него с привычным чувством нереальности происходящего. Год назад у нее выдался тяжелый вечер – она была одинока, поглощена жалостью к себе и скорбью по Деб. Так она оказалась в местном баре. Джейми подсел к ней у стойки – красивый, мускулистый, словно светящийся изнутри. Он выглядел как бывший спортсмен, которого что-то заставило стать тихим и осторожным, как дикий зверь. Фиона отставила стакан и посмотрела на него, ожидая выученного приветствия, но Джейми не торопился. Он отпил глоток пива, поставил бокал на стойку и лишь после этого произнес:

– Привет.

Конечно, там было больше слов, но все самое главное уместилось в этом «Привет». Через два часа они уже были в постели у него в квартире. Фиону это удивило, но происходящее каким-то образом соответствовало ее настроению. Она решила, что это всего лишь секс на одну ночь, но он попросил у нее номер телефона, и, когда он позвонил, Фиона, стараясь не выдать своего удивления, ответила. А потом он звонил снова и снова, и она все время отвечала.

Это было очень странно. Копы и журналисты – враги от природы, и их жизни не должны переплетаться. Во многом так оно и было. Джейми не представлял Фиону своим коллегам и не приглашал на вечеринки. Если она хотела увидеться с ним в рабочее время, то не заходила в участок, а ждала снаружи. Родителей Джейми Фиона видела всего один раз – между ними произошел прохладный и быстро завершившийся разговор. Со своей стороны Фиона познакомила Джейми с отцом, но лишь потому, что тот настаивал. Его обеспокоила новость о том, что дочка встречается с полицейским, хотя обычно он не лез в ее личную жизнь. Это была неловкая встреча, и Фиона до сих пор не знала, как ее отец и ее парень восприняли друг друга.

И тем не менее Фиона любила Джейми за его работу, равно как и за то, что он родился в Бэрронсе и прожил здесь всю свою жизнь. В каждых новых отношениях ей приходилось заново рассказывать о своем прошлом, о Деб, о том, что произошло и почему. Большинство парней старались ее понять, но Деб всегда стояла между ними и Фионой, как стена, которую нельзя разрушить до конца. Джейми объяснять не пришлось. Он знал, кто она такая, когда подсаживался к ней в баре; когда убили Деб, местную полицию возглавлял его отец. Фионе не нужно было говорить об этом с Джейми – он и так все знал.

Пюэтому, несмотря на некоторые трудности, ей было легко с Джейми – настолько легко, что Фиона была готова многим ради этого пожертвовать. Он был умным и смешным. Она не вполне понимала, что он в ней нашел, и не хотела спрашивать. Возможно, дело было в сексе (он был очень хорош!) или в чувстве товарищества. Одно Фиона знала наверняка: она бы скорее отрезала себе руку ржавой бензопилой, чем начала с Джейми разговор в духе «куда движутся наши отношения?».

Сейчас он сидел за соседним столиком для пикника, положив ногу на ногу.

– Ты пришла не только за этим, – сказал он, не спрашивая, а утверждая. – Выкладывай.

Смысла отнекиваться не было.

– Участок, на котором находится Айдлуайлд. Что ты о нем знаешь?

– То же, что и все.

– Врешь. Ты знаешь все. Начни с самого начала.

Отец и дед Джейми служили начальниками полиции. Семья Крилов долгие годы играла важную роль в городе и водила знакомства со всеми, от богачей до бедняков. Джейми был глубоко предан Бэрронсу и помнил все обстоятельства его истории в мельчайших подробностях. Фиона подождала, пока он «отправит запрос» внутреннему компьютеру и получит информацию. Наконец Джейми заговорил:

– Смотри. Айдлуайлд построили сразу после Первой мировой – кажется, это была школа для дочерей погибших солдат. Какое-то время она переходила от владельца к владельцу, но учениц становилось все меньше и меньше. В 1979 году Айдлуайлд закрылся, и участок купила семья Кристоферов. – Он не смотрел на нее, когда говорил о семье убийцы, и Фиона поняла, что он полностью поглощен рассказом. – В то время Кристоферы скупали землю как сумасшедшие – видимо, хотели разбогатеть на недвижимости. Какие-то их приобретения оказались выгодными, а какие-то нет. Айдлуайлд точно относился ко вторым.

– Почему? – спросила Фиона. Некоторые из этих фактов были ей известны, но она хотела, чтобы Джейми продолжал.

Джейми пожал плечами:

– У них все валилось из рук. Партнеры отказывались сотрудничать, деньги исчезали, им не удавалось никого привлечь. Люди всегда считали, что в школе живут привидения. Разумеется, когда речь идет о проекте застройки, это глупый аргумент, но тут Кристоферы просчитались. Айдлуайлд всегда отпугивал местных, никто не хотел даже близко к нему подходить. У Кристоферов были и другие приобретения, которые приносили деньги, на них семья в итоге и сосредоточилась, а школа так и пустовала.

Фиона помнила Айдлуайлд с детства: о нем рассказывали истории, когда она оставалась ночевать у друзей; подростки подначивали друг друга пойти к школе после наступления темноты. Сама Фиона, как, вероятно, большинство других детей, не верила в призраков, но заброшенные руины Айдлуайлда – разваливающийся портик, оплетенные плющом окна – все равно казались ей жутковатыми. Впрочем, несмотря на мрачную атмосферу, это было просто место в городе. До убийства Деб.

– А потом убили мою сестру, – подсказала она Джейми.

– Да, и это был конец эпохи Кристоферов, – продолжил он. – Они в одночасье перестали быть самой именитой семьей в Бэрронсе. После того как Тима арестовали, его отец, Генри, почти сразу же приготовился сматывать удочки. К тому моменту как суд огласил приговор, Кристоферы уже продали здесь почти все и переехали в Колорадо. Насколько я знаю, они до сих пор там.

Фиона опустила голову и стала разглядывать свои ладони. Деб была в таком восторге, когда начала встречаться с Тимом Кристофером – высоким, симпатичным, из богатой и известной семьи. Деб была дочерью интеллектуалов из среднего класса, и этот статус ее не устраивал.

– Но Айдлуайлд они не продали.

– Потому что не смогли. Здания такие ветхие, что почти ничего не стоят, да и земля там очень дешевая. Ну, и кризис 2008 года тоже пришелся некстати.

Наверняка Кристоферы ужасно обрадовались, когда появился покупатель.

– Маргарет Иден, – сказала Фиона. – Кто она такая?

– Вот этого я не знаю, – Джейми виновато улыбнулся. – Она не местная, приехала из Нью-Йорка. Все, что я слышал, – это что она старая вдова с кучей денег.

– Я хочу с ней встретиться.

– Папа говорит, что она ни с кем не общается. Все дела ведет ее сын.

– Тогда я хочу встретиться с ним.

– Фи, подумай, что ты затеяла, – Джейми повернулся, чтобы взглянуть на нее, его нога задела ее колено, и она чуть не подскочила. – Это все, о чем я прошу. Просто подумай.

– Я уже обо всем подумала, – сказала Фиона, поднимая папку с документами. – Я хочу понять, зачем кому-то нужно реставрировать Айдлуайлд-холл именно сейчас. Точно не ради денег.

– Люди до сих пор отправляют детей в школы-интернаты, – сказал Джейми.

– Только не здесь. Ты же знаешь, какая в этой части штата средняя зарплата. Кому придет в голову отослать ребенка в дорогую школу, на реконструкцию которой уже и так потратили миллионы долларов… Не может быть, чтобы Маргарет Иден финансировала все сама. Если у нее есть инвесторы, то кто они? С чего они собираются получать прибыль?

«Деньги решают все» – было одним из девизов ее отца в журналистике. «Почти на всем кто-то где-то делает деньги».

– Думаешь, здесь кроется что-то еще?

– Мне не кажется, что это выгодное вложение денег. Возможно, Маргарет Иден лишилась рассудка, а возможно, ее используют. А тебе все это не кажется странным?

Джейми отошел от стола и снова повернулся к Фионе.

– Хорошо, – согласился он. – Это и правда странно. Возможно, из этого выйдет хорошая статья. И на эту тему еще никто не писал. – Джейми увидел ее триумфальное выражение лица и покачал головой, но выглядел примирительно, и Фиона поняла, что ей удалось его убедить. – Дай мне знать, как все прошло, когда поговоришь с Энтони Иденом.

– Это тот самый сын?

– Да. Они поселились в одном из таунхаусов на Митчел-Плейс – в том, что на углу, большом. Ты могла бы и сама найти эту информацию.

– Я знаю, – ответила Фиона, невольно улыбаясь. – Но мне больше нравится расспрашивать тебя.

– Мне пора назад, – сказал Джейми. Он перехватил ее взгляд, и между ними снова, как и всегда, пробежал электрический разряд. Фионе захотелось прикоснуться к нему, но те, кто следил за ним в окна участка (а такие точно были), не дали бы ему проходу.

– Я позвоню попозже? – наконец сообразила она.

– Возможно, – ответил он, сделал шаг назад, развернулся и пошел к участку, помахав ей рукой через плечо. Взявшись за ручку двери, он остановился: – Расскажи отцу. Нельзя, чтобы он узнал от кого-то другого.

И Джейми скрылся.

Глава 4

Роберта

Бэрроне, Вермонт

Октябрь 1950 г.

Шел ДОЖДЬ, над полем для хоккея с мячом висела мелкая холодная морось, но девочки все равно вышли на игру. Было семь часов утра. Солнце едва поднялось над горизонтом, его свет был серым и водянистым. Девочки натянули теплую форму, потуже завязали кожаные кроссовки и выстроились под навесом на выходе из раздевалки с клюшками в руках, ожидая сигнала.

Это было любимое время Роберты. Тишина, уходящая ночная прохлада, холод, трогающий за колени и пробуждающий ото сна. Деревья вдоль кромки поля выделялись черными силуэтами на фоне неба. С одного из них взлетели три ворона и устремились вверх, к облакам. Эхо их карканья доносилось до девочек, стоявших под навесом. У девочек изо рта шел пар, а одна из них, прикрыв рот ладонью, кашляла, словно отвечая птицам.

Капитаны команд Джинни Смит и Бренда Эвертон тихо переговаривались. Навес их не прикрывал, и на пушистых волосах Джинни были видны капельки дождя. Роберта играла достаточно хорошо, чтобы стать капитаном – уж точно лучше Джинни и Бренды, но она провела в Айдлуайлде всего несколько месяцев, и ни Джинни, ни Бренда не торопились освободить ей место. Роберте было все равно – ей хотелось только играть.

– Седьмая команда! – произнесла Джинни, поворачиваясь к девочкам и маша рукой, а затем двинулась к концу поля.

– Девятая команда! – отозвалась Бренда, ведя своих девочек в противоположную сторону.

В Айдлуайлде не было девяти команд по хоккею. Эти названия они взяли из старого графика тренировок, написанного карандашом и прикрепленного к стене раздевалки кем-то из прошлых капитанш. Старые надписи почти полностью выцвели. Роберта была в девятой команде. С клюшкой в руке она шла за другими девочками, пока Бренда – ее толстые ляжки со присвистом терлись друг от друга под форменной юбкой – орала, втолковывая им стратегию игры.

Наконец Роберта побежала.

Эти команды состояли из элитных хоккеисток – девочек, которые выбрали хоккей с мячом в качестве факультатива, то есть необязательной части учебной программы. Двадцать две девчонки, никаких запасных, каждая с клюшкой в руке, кроме вратарей. Всего минуту назад они казались сонными, но как только игра стартовала, они начали двигаться с безудержной подростковой энергией, бегая туда-сюда по полю за мячом, нарезая круги, подрезая, ставя подножки. Победитель не получал никакой награды, команда Айдлуайлда не выступала в настоящей спортивной лиге, и девочкам не приходилось соревноваться с другими школами. В спорте, как и во всем остальном, Айдлуайлд был в гордом одиночестве. Поэтому команды играли друг против друга, вкладывая в эти матчи весь свой соревновательный дух.

Во время игры Роберта словно переставала думать и просто существовала в своем теле, каждая частичка которого двигалась в идеальной гармонии с другими. На поле не было болтовни, партий или компаний, сплетен или вранья. Девочки играли в утренних сумерках почти в полной тишине. Их лица были напряжены, они тяжело дышали. В такие моменты Роберта больше не тосковала по дому и не вспоминала свою комнату, вид из окна на аккуратную уютную улочку, плед на кровати, который сшила ей бабушка, и шкатулку, подарок матери на тринадцатилетие. Ей не хватило духу взять шкатулку с собой в Айдлуайлд, где ее могли украсть другие девочки-незнакомки, готовые шарить в ее вещах в общей спальне.

Пэт Карриво отдала ей пас, и Роберта быстро повела мяч по полю, уклоняясь от других девочек, атаковавших ее с обеих сторон. Ее кроссовки скрипели и хлюпали в траве, коса на голове промокла насквозь, дождь стекал по шее за воротник, но ей нравилось, как он холодит разгоряченную кожу. Она кружила вокруг ворот, но тут Синди Беншоу сделала быстрый выпад и перехватила мяч самым кончиком клюшки. Роберта отбежала назад, чтобы не столкнуться с ней, Синди помчалась с мячом вперед, и Роберта последовала за ней.

Теперь она чувствовала, что летит. Ее тело согрелось, и она почти не ощущала, как ноги касаются земли. Легким было больно от резкого дыхания. Ее было не остановить. И она больше не представляла себе лицо дяди Вэна, брата ее отца, который в прошлом году приехал пожить у них, когда его бросила жена и он потерял работу. Когда-то дядя Вэн воевал в Нормандии, а теперь не мог спать и работать. Сбоку на шее у него был огромный шрам, про который он никогда не говорил. Ладони у него были большие и мозолистые, Роберте казалось, что такими можно убить, – даже когда он просто клал их на колени и час за часом

слушал радио. Она больше не думала о том, как однажды открыла дверь гаража и увидела там дядю Вэна, одного, скорчившегося на своем кресле. Как она увидела…

Над головой Роберты закричали птицы, а в лицо ей брызнула вода, тут же смешавшись со стекающим по вискам потом. Ее тело горело, и это чувство вызывало в ней восторг. Она хотела, чтобы это никогда не заканчивалось.

В тот день, открыв дверь гаража, она закричала – и больше не разговаривала. Днями, неделями, месяцами. Как только она открывала рот, мысли отключались, и в голове возникала пустота, вытеснявшая все слова. Сначала встревоженные родители отвели ее к врачу, опасаясь за ее физическое здоровье. Потом был еще один врач, а потом – какой позор для семьи! – психиатр. На всех этих приемах Роберта не произнесла ни слова. Она понимала, как все хотят, чтобы она снова стала прежней – что-то сделала, что-то сказала. Но она снова и снова видела перед собой только открывающуюся дверь гаража – и пустоту за ней. Роберта не могла объяснить им всем, что слова покинули ее и сказать ей нечего.

Так она оказалась в Айдлуайлде. Родители не знали, что делать с упрямым подростком, который отказывается говорить, а потому решили избавиться от нее. Первую неделю в школе Роберта молчала, а потом учительница задала ей вопрос, и она ответила на него голосом, скрипучим, как ржавое колодезное ведро. Свои первые слова за много месяцев она произнесла в ужасной школе, которую так ненавидели все девочки.

Речь казалась чудом и одновременно чем-то естественным. Гаражная дверь все реже и реже появлялась в ее голове, а на поле так и вовсе полностью исчезала. Ее тело получало власть над разумом, и она чувствовала умиротворение.

Первая половина матча закончилась, и Бренда свистнула, объявляя перерыв. Девочки стали разбредаться с поля. Роберта бросила клюшку и наклонилась, уперев руки в колени и восстанавливая дыхание. Она видела, как другие девочки проходят мимо нее. Краем глаза она заметила какое-то движение, колыхание ткани и повернулась, ожидая увидеть еще одну девочку, переводящую дух. Но там никого не было. Тяжело дыша, Роберта повернулась назад и уставилась в землю. Прямо сейчас ее соседки по комнате, наверное, только просыпаются, посапывая вместе с другими в коридоре в очереди в ванную, толкаются, переодеваясь для занятий.

Когда Роберта была в компании своих соседок, она могла говорить. Она привыкла к ним и даже стала зависима от их постоянного присутствия, иногда чуть-чуть раздражающего. Она легко могла представить их прямо сейчас: Кейти – жаркая красота и пофигизм, Сисси – мягкие линии тела, доверие и доброта, и Соня – тоненькая, несгибаемая, скрывающая какой-то надлом внутри. В этом месте, с этими девочками Роберта могла разговаривать, но когда мама (одна, без папы) приехала ее навестить, язык отказался подчиняться Роберте, и слова снова исчезли.

– Сейчас не лучшее время, чтобы возвращаться домой, – сказала мама.

Она снова заметила краем глаза движение, выпрямилась и повернулась. Опять ничего. Роберта провела рукой по лбу и виску, надеясь, что это была просто прилипшая прядь, хотя то, что двигалось, вообще не было похоже на волосы. Скорее это был взмах юбки, будто рядом прошла другая девчонка. Роберте даже показалось, что она слышала шаги, хотя это уж точно было невозможно. На поле, кроме нее, никого не было.

Роберта повернулась и посмотрела на группу девочек, сбившихся в кучу под навесом от дождя. Джинни поглядела на нее, сощурившись, но не скомандовала подойти. Роберта внезапно почувствовала, что словно примерзла к своему месту, пускай ее и поливал дождь, пускай ноги ее насквозь промокли, а под сырую форму заползал холод. По полю что-то двигалось, и ей никак не удавалось сфокусировать взгляд. А Джинни, глядя прямо на Роберту, и вовсе этого не видела.

Затем она услышала за спиной звук, похожий на тихий, крадущийся шаг, а потом ветер донес откуда-то из-за деревьев звуки голоса. Этот голос пел.

«В эту ночь под луной я буду с тобой, крошка…»

Пот на висках Роберты стал горячим, руки задрожали. Она снова повернулась, осмотрелась вокруг себя, но увидела только пустое поле, на которое падал дождь. Другие девочки стояли группой, повернувшись к ней спиной, и переводили дыхание или сплетничали.

«В эту ночь под луной…»

Роберте пришлось сделать усилие, чтобы сдвинуться с места. Ноги скрипели и тряслись, как проржавевшие детали старой машины, но она шагнула вперед, а потом еще раз и еще раз. Она знала эту песню. Ее крутили на радио Кей-Пи-Эл-Уай в передаче «День с будущей звездой эстрады» вместе с другими хитами времен войны. Дядя Вэн слушал эту передачу каждый день. Песня называлась «Мои мечты все ближе с каждым днем», и в тот день она играла по радио. Роберта помнила, как звук отражался от голых стен и бетонного пола в гараже, когда она открыла дверь.

«…я буду с тобой, крошка».

Но это было не радио и не пластинка. Это был голос, который шел из-за деревьев – нет, с другого конца поля. Всего лишь обрывок звука, едва слышный и тут же улетучившийся. Роберта побежала к другим девочкам, чувствуя, как по спине ползут мурашки от страха. Она смотрела в спины девчонок, спрятавшихся под навесом от дождя, и ее ноги двигались все быстрее и быстрее.

Дядя Вэн. Сидящий на стуле в гараже, наклонившись вперед. С пистолетом, приставленным к голове. Кожа у него покрыта потом. Играет эта красивая песня, и дядя Вэн плачет, плачет…

Роберта почувствовала, как слова снова исчезают, и вместо них поднимается пустота.

Бежать. Только бежать. Не думай об этом – беги.

Когда Роберта присоединилась к промокшей, шерстяной толпе, пахнущей сыростью, туманом и потом, Джинни повернулась и снова посмотрела на нее.

– Ты чего так долго? – рявкнула она.

Роберта молча покачала головой. Она помнила, как Мэри ван Вортен рассказывала, будто бы Мэри Хэнд приходит на поле и поет колыбельные среди деревьев. Мэри ван Вортен стояла совсем рядом – щеки ее раскраснелись от холода, светлые волосы были забраны в аккуратный хвост. Она переминалась с ноги на ногу, как лошадь на скачках, готовая к старту, и не имела ни малейшего представления о том, что только что произошло. Она говорила про колыбельные, а не песни с радио.

Но на этот раз Мэри спела песенку с радио. Специально для Роберты.

Роберта крепко схватила клюшку, скрестила руки перед собой и придвинулась поближе к остальным девочкам, чтобы согреться. Она еще раз подумала о своих соседках по комнате, об их лицах, голосах, смехе. И тогда слова вернулись.

– Ничего, – ответила она. – Ничего такого.

Глава 5

Бэрроне, Вермонт

Ноябрь 2014 г.

Строительные работы в Айдлуайлде начались через неделю, и участок заполнили трейлеры и рабочие с техникой. Вместо старой и большей частью поломанной изгороди поставили высокий забор из металлической сетки, на котором развесили многочисленные предупреждающие знаки. Происходящее на участке было трудно разглядеть из-за деревьев, грузовиков и переносных туалетов.

Фиона несколько раз набирала номер Энтони Идена, но тот не отвечал. В ожидании, пока он перезвонит, она успела съездить к отцу. Тот жил в домике у извилистой дороги сразу за городской чертой. Родители Фионы развелись через два года после убийства Деб, а восемь лет назад ее мать умерла от рака, так и не оправившись от гибели старшей дочери. Малкольм Шеридан остался в их бывшем семейном гнезде, с каждым годом все больше и больше погружаясь в свой неординарный внутренний мир.

На крыше были видны темные провалы в тех местах, где не хватало кусков черепицы. Фиона заметила это, уже паркуясь у дома. Крышу стоит отремонтировать до зимы, иначе она будет протекать. Скорее всего, у Малкольма были отложены на это деньги, но найти их в доме будет сложно. Фиона постучала в дверь, мысленно перебирая возможные варианты.

Отец, как обычно, не отозвался, но его старый «вольво» стоял на выезде из гаража. Фиона открыла входную дверь, толкнула ногой внутреннюю, тоже не запертую, и просунула голову внутрь.

– Пап, это я.

В задней комнате раздался шорох, а за ним скрип. – Фи!

Фиона вошла в дом. Шторы на всех окнах были задернуты – Малкольм утверждал, что не может работать при ярком свете. В комнате стоял пыльный кисловатый запах. Все поверхности, от кухонного стола и кофейного столика до стульев, были завалены книгами и бумагами. Фиона моргнула, чтобы привыкнуть к темноте после яркого солнечного света, и прошла через маленькую гостиную, мимоходом взглянув на неубранную кухню и сделав вывод, что ей, как обычно, никто не пользовался.

Малкольм встретил ее у двери дальней комнаты, которую он переоборудовал под кабинет. На нем были брюки (такие старые, что их уже можно было бы выставить в магазине винтажной одежды) и клетчатая фланелевая рубашка. Хотя Малкольму было уже за 70, в его длинных седых волосах еще сохранялись темные пряди, и от него до сих пор веяло мощной жизненной силой.

– Фи! – повторил он.

– Привет, папа.

Малкольм крепко обнял ее, сжав ребра, и отпустил. Обнимая его в ответ, Фиона чувствовала сложную смесь счастья и боли от утраты, которая всегда появлялась в его присутствии.

– Что-то я не вижу еды на кухне. Ты хоть что-то ешь?

– У меня все хорошо. Я работаю.

– Над новой книгой?

– Это будет… – Он умолк, вернувшись мыслями к книге, которую писал уже много лет. – Я сейчас изучаю некоторые факты, но мне кажется, что я близок к прорыву.

Он повернулся и пошел в кабинет, а Фиона последовала за ним. В этой комнате ее отец проводил дни и ночи. Пока Фиона была маленькой, он постоянно мысленно пребывал в своем кабинете, а с тех пор как от него ушла жена, судя по всему, окончательно перебрался в него и физически. В кабинете стоял стол, заваленный бумагами, компьютер Мае, такой древний, что его можно было бы выставлять в музее Apple, и низкий книжный шкаф. На стене висели две фотографии в рамках: на первой был Малкольм во Вьетнаме в 1969 году в камуфляжной форме, присевший на колено в поле, окруженном пальмами, на фоне цепочки военных грузовиков; а на второй – вьетнамские женщины, за тяжелой работой на рисовой плантации, а над ними четыре черных силуэта грозно нависающих американских вертолетов. Один из снимков, за которые Малкольм был награжден. Фиона была рада, что он не повесил на стену другое свое знаменитое фото, на котором вьетнамская женщина нежно пеленала тело своего мертвого шестилетнего сына, чтобы похоронить. Мать Фионы запретила вывешивать этот снимок дома, говоря, что он будет смущать девочек.

– Тебя когда-нибудь расстраивало, что твоего отца не было рядом, когда ты была маленькой? – спросил Фиону психотерапевт после убийства Деб. – Что он все время уезжает?

– Но как же папа будет спасать мир, если станет сидеть дома со мной? – ответила семнадцатилетняя Фиона.

Речь шла не только о войне, которая уже заканчивалась, когда родились дочери Малкольма. После нее были книги, премии, поездка в Вашингтон, туры с выступлениями и мероприятия. И, как всегда в жизни ее отца, марши, протесты и сидячие забастовки: за права женщин и афроамериканцев, против полицейской жестокости и смертной казни. Малкольм Шеридан постоянно протестовал, даже в 90-е, когда другие хиппи остепенились и марши вышли из моды. Он действительно хотел спасти мир. Но когда умерла Деб, с ней угас и его протестный Дух.

Он переложил с места на место какие-то бумаги на столе.

– Я не знал, что ты приедешь. Может, чаю?

– Не надо, пап. – Глядя на него, Фиона почувствовала укол беспокойства. Неужели эти широкие плечи, которые всегда казались ей такими сильными, действительно стали уже и слабее? Ей кажется или он бледнее обычного? – Ты съездил к врачу, как я тебе говорила?

– К Уорбертону? Я больше не доверяю этому старому мошеннику, – ответил Малкольм. – Он прописывает только то, что ему велят фармкомпании. Неужто он думает, что я не догадаюсь?

Фиона сжала зубы:

– Папа.

– Спасибо, милая, но я разберусь сам. – Он закрыл документ, над которым работал, немного спешно, как будто боялся, что она успеет что-то подсмотреть.

– Когда ты дашь мне почитать рукопись? – спросила Фиона. Отец работал над новой книгой о финансовом кризисе 2008 года. Проблема была в том, что работа длилась уже пять лет, без всякого намека на прогресс.

– Уже скоро, – ответил Малкольм и потрепал ее по плечу. – Пойдем на кухню, расскажешь мне, как прошел твой день.

Она покорно прошла за ним на кухню, где отец пытался найти на захламленном столе чайник. Так было всегда: вдали от отца она чувствовала себя храброй и стойкой, а в его присутствии, глядя, как он заваривает чай, лишь кусала губы от волнения и теряла всякую уверенность в себе. В старом доме было слишком много истории, слишком много боли, слишком много любви. Этот чайник когда-то купила мама – привезла домой на своем «универсале», после того, как отец получил очередной гонорар.

– Я работаю над новой статьей, – удалось выговорить ей.

– Правда? – Отец не одобрял работу Фионы, всю эту чепуху про то, как готовить яблочные пироги и бороться со стрессом при помощи йоги. Но он перестал

возмущаться уже много лет назад, и теперь в его голосе сквозила лишь апатия, означавшая, что он не очень-то прислушивается к тому, что говорит дочь.

Фиона смотрела на старые часы на стене, чтобы не видеть отца. Только так ей удалось сказать то, что она хотела.

– Она про Айдлуайлд-холл.

Она услышала, как шум воды, наполнявшей чайник, прекратился. На мгновение воцарилось молчание.

– О, – сказал отец, – про реконструкцию?

– Что? – Она резко развернулась и посмотрела на него. – Ты про это знаешь?

– Мне позвонил Норм Симпсон. Когда же это было, пару недель назад? Он решил, что я должен знать.

Фиона моргнула, отчаянно пытаясь вспомнить, откуда она знает это имя. Ее отец был знаком с таким количеством людей, что удержать их всех в памяти было невозможно.

– Мне вот никто не сказал.

– Люди очень чуткие, Фи. Вот и все. Про что будет твоя статья? – Теперь ему было интересно, и он поглядывал на нее, ставя чайник на огонь.

– Я хочу поговорить с этой Маргарет Иден. И с ее сыном Энтони. Хочу понять, какой у них план.

– Денег на этом они не заработают, – сказал Малкольм. Он повернулся, облокотился о стол и скрестил руки на груди. – Этот участок всегда был проблемным. С 2000 года городской совет три раза обсуждал, не выкупить ли его у Кристоферов, чтобы просто снести все постройки, но так ничего и не решил. А теперь время упущено.

Фиона подавила в себе волну триумфальной радости («Да! Он со мной согласен!») и потянулась к дверце холодильника.

– Я тоже так думаю. Но я никак не могу дозвониться до Энтони Идена, хотя постоянно оставляю ему сообщения, что я из «Лайвли Вермонт».

Чайник засвистел на плите, и отец налил им чай. Вид у него был задумчивый.

– Я могу сделать пару звонков, – сказал он.

– Не нужно, – автоматически ответила она. – Пап… ты не против, что я об этом пишу?

Впервые за время разговора лицо его стало жестким и пустым.

– Твоей сестры там больше нет. Это же я сказал и Норму Симпсону. Она мертва. Ты говоришь, как твоя мать – она тоже каждый день волновалась, как бы не расстроить Деб.

– Я не…

Разумеется, так оно и было, и отец со своим журналистским талантом видел всю суть происходящего. Родители Фионы развелись через два года после убийства, потому что больше не могли находиться рядом. После развода ее мать пошла работать продавщицей в супермаркет «Уолгринс», хотя у нее была докторская степень. Она говорила, что устала от научного сообщества, но Фиона сразу поняла, что дело в Деб. Ту всегда бесил интеллектуальный снобизм родителей. Слава Малкольма как фотографа и активиста смущала ее, 20-летнюю девушку, которая мечтала лишь о том, чтобы не выделяться и иметь побольше друзей, и считала, что уже знает ответы на все вопросы. Она была такой молодой, подумала Фиона. Такой ужасно молодой. Ее отношение к отцу повлияло на их мать, но Малкольм не собирался извиняться перед Деб за собственную жизнь, как бы та его ни высмеивала.

Но теперь, глядя на дом, в котором прошло ее детство, захламленный и не убиравшийся годами, Фиона задумалась, может, отец тоже испытывал чувство вины. В год перед смертью Деб в доме постоянно были ссоры. Она уже была в

колледже, учеба ей не давалась, но зато она много времени проводила с друзьями и веселилась вовсю – выпивала, ходила на вечеринки и, к горькому недоумению родителей, встречалась с Тимом. Фионе в то время было 17 лет, и она наблюдала за бушующей страстью со стороны. А затем, той ноябрьской ночью, все кончилось.

Тем не менее Малкольм Шеридан оставался самим собой. Через два дня после поездки к нему Фионе позвонил помощник Идена и предложил встретиться с Энтони на следующее утро у ворот Айдлуайлд-холла для экскурсии по участку.

– Я не могу, – сказала она Джейми той ночью. Они сидели на диване в его маленькой квартирке;

Фиона прижалась к нему и думала о Деб. – Яне могу туда пойти.

– Верно, – ответил он, – не можешь.

Фиона закрыла лицо руками:

– Нет, смогу. Смогу и пойду.

– Это самая серьезная статья в твоей карьере, верно? – спросил Джейми.

У него только закончилась длинная смена, и они сидели вдвоем в тишине и полумраке, даже не включая телевизора. Фиона почувствовала, как мускулы под его кожей тихо расслабляются, как будто на работе ему приходилось держать себя в постоянном напряжении, которое он только сейчас позволил себе спустить.

– Ты что, пытаешься меня обидеть? – спросила она, хотя знала, что это не так.

– Нет, – ответил Джейми. – Но с тех пор, как мы познакомились, ты писала только про всякие бытовые мелочи.

Он замолчал в поисках правильных слов.

– Мне просто кажется, что ты способна на большее.

Фиона сглотнула. Она закончила школу журналистики – было так естественно пойти по стопам отца, да и ничего другого она делать просто не умела, – но всю жизнь работала фрилансером, вместо того чтобы сидеть в какой-нибудь редакции. Она убеждала себя, что так сможет делать что-то по-настоящему стоящее. И вот куда ее это привело.

– Что ж, вот и узнаем. Говорят, каждый день нужно преодолевать один свой страх.

Джейми фыркнул. Кажется, он не догадался, что эту фразу Фиона прочитала на сумке для йоги.

– Тогда я очень удачно выбрал профессию.

– Правда? – Фиона обожала подкалывать Джейми, чтобы понять, как далеко она может зайти. – Да уж, регулировать движение во время рождественского парада – жуткое дело.

Вместо ответа он закинул голову назад на спинку дивана и уставился в потолок.

– Ну все, тебе конец, – сказал он, не меняя выражения лица.

– Или тот раз, когда ремонтировали мост и тебе пришлось стоять там часами. – Фиона покачала головой. – Не знаю, как только ты выдерживаешь такие муки.

– Точно конец, – повторил Джейми.

– Ой, а помнишь, был снегопад, и тебе нужно было откапывать машины в кювете…

Фиона двигалась быстро, но Джейми – еще быстрее. Она попыталась вскочить, но он схватил ее за бедра и прижал к дивану:

– Бери свои слова назад.

Фиона подалась вперед и коснулась его неотразимых губ своими:

– Попробуй заставь.

Он так и сделал. И в итоге она все же взяла свои слова назад.

* * *

Фиона стояла у высоких черных ворот Айдлуайлда, прислонившись к своей машине, и смотрела на Олд-Бэрронс-Роуд. В дневном свете дорога выглядела по-другому, хотя все еще казалась стылой и одинокой. Ветер гонял по ней сухие листья. На заправке не было никакого движения, на холме было безлюдно. В небе кричали птицы, улетавшие на юг от жестокой вермонтской зимы. Фиона подняла воротник парки и растерла руки.

На вершине холма показался черный «мерседес». Он двигался медленно, словно на похоронной процессии, и совершенно бесшумно. Машина остановилась рядом с Фионой, и стекло со стороны водителя опустилось. За рулем сидел мужчина лет пятидесяти с широким лбом, редкими темно-русыми волосами и острыми глазами, которые, не мигая, смотрели на Фиону.

– Мистер Иден? – спросила она.

Он коротко кивнул из теплого, обитого кожей салона машины:

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Мужчина нажал невидимую кнопку (Фиона представила, что в его «мерседесе» установлена обтекаемая панель управления, как в фильмах про Джеймса Бонда), и ворота издали громкий лязг. Автоматический замок – это что-то новенькое. Зажужжал мотор, и ворота медленно распахнулись. За ними начиналась подъездная дорога без покрытия, проложенная совсем недавно и похожая на свежий шрам.

Фиона села в свою машину и поехала за Иденом. Дорога была неровной, и поначалу Фиона не могла разглядеть ничего, кроме деревьев. Но затем они стали реже, машина повернула, и Фиона впервые за 20 лет увидела Айдлуайлд-холл.

«Господи, – подумала она. – То самое место».

Подобное строение невозможно было представить себе в вермонтской глубинке, с ее домами, обшитыми вагонкой, и колониальными особняками, – да, пожалуй, и нигде больше в мире. Это было гигантское здание, не высокое, но ужасно длинное, с рядами грязных окон, в которых тускло отражалось серое небо. Лужайка перед входом заросла колючками и плющом, со стен свисали мертвые лозы. Четыре окна у дальнего конца здания были разбиты и выглядели как закрытые глаза. Остальные скалились на дорогу и подъезжающие машины. «…Чтобы скорее съесть тебя, деточка!»

Фиона впервые оказалась здесь через четыре дня после убийства Деб. Полицейские не пустили ее на место преступления, но, когда они закончили работу, ей удалось пробраться через изгородь и найти место посреди хоккейного поля, где лежало тело Деб. Возможно, она искала утешения или хотела понять, что произошло, но обнаружила лишь кучу мусора – венки, дешевые букетики цветов, бутылки из-под пива и окурки. Жители Бэрронса – и взрослые, и подростки – приходили сюда, чтобы почтить память погибшей.

Уже тогда здание было в руинах, а теперь выглядело еще хуже. Подъехав поближе, Фиона увидела, что конец главного корпуса, там, где были разбиты окна, немного осел, как будто у него обвалилась крыша. Подъездная дорога перед входом была грязной, в колдобинах, и Фиона с трудом удержалась на ногах, когда выходила из машины. Она повесила на шею фотоаппарат и повернулась, чтобы поприветствовать своего гида по Айдлуайлду.

– Извините за такой разгром, – сказал мужчина, подошедший к ней от припаркованного «мерседеса». – Весь подъезд к школе зарос травой, покрытие потрескалось, кое-где камни были выворочены. Нам пришлось все выровнять, прежде чем приступать к делу.

Он протянул ей руку. Лицо у него было серьезным, но он попытался улыбнуться:

– Я Энтони Иден. Приятно познакомиться.

– Фиона Шеридан.

Ладонь у него оказалась теплой и гладкой. На нем было кашемировое пальто, не очень-то подходящее для визита на стройку. Сама Фиона надела джинсы, ботинки и парку.

– Боюсь, у меня есть не больше часа, – сказал Энтони. – Давайте начнем с главного здания.

– Отлично.

Они двинулись вперед, и Фиона достала из кармана MP3-диктофон.

– Вы не будете против, если я запишу наш разговор? Тогда цитаты в статье будут более точными.

Энтони быстро взглянул на диктофон, затем отвел глаза.

– Как хотите.

На главной двери была установлена электрическая система охраны. Энтони набрал код, замок запищал, и дверь открылась.

– Вы быстро работаете, – прокомментировала Фиона, нажимая кнопку на диктофоне. – Я заметила, что вы поставили новую ограду и что ворота открываются автоматически.

– Безопасность для нас превыше всего. Мы не хотим, чтобы местные подростки устраивали здесь бесплатный ночлег.

Они вошли в холл и замерли.

Это было огромное мрачное помещение, освещенное лишь приглушенным солнечным светом, падающим через окна. Высотой холл был в три этажа, а пол покрывали деревянные панели темно-шоколадного цвета, казавшиеся почти черными. Прямо напротив входа уходила вверх обрамленная затейливыми деревянными перилами лестница, ведущая на второй и третий этажи. На третьем этаже от лестницы в обе стороны, подобно паутине, разбегались два ряда балкончиков, самые дальние из которых терялись в темноте. Не было

слышно ни звука, кроме мягкого шороха птичьих крыльев где-то под крышей. Воздух пах плесенью, мокрым деревом и немного гнилью.

– Господи, – пробормотала Фиона.

– Мы с вами находимся в парадном холле, – сказал Энтони Иден. Фиона начала замечать в его поведении что-то еще, кроме чопорной вежливости. Он явно не хотел здесь находиться. Скорее всего, провести эту встречу его заставила мать. – Здание построили в 1919 году, и все конструкции сохранились с тех времен. Разумеется, большую часть уже не спасти, но мы планируем отреставрировать все деревянные элементы, какие сможем.

– Насколько это вообще реально? – спросила Фиона, поднимая фотоаппарат и делая снимок.

– Специалисты по дереву приедут на следующей неделе. В восточной части здания нарушен водосток, и нам пришлось сначала отремонтировать его, чтобы остановить распространение сырости по зданию.

Несмотря на солидный возраст, лестница была крепкой, и они поднялись на второй этаж. Энтони повел Фиону по захламленному коридору.

– До 1979 года это была действующая школа-интернат для девочек, – начал он свою экскурсию. – Мы хотим восстановить ее в прежнем виде и снова открыть для учениц.

– Только женского пола? – уточнила Фиона.

– Да, идея в этом. Моя мать считает, что девочки должны иметь доступ к лучшему образованию, которое позволит им начать собственную жизнь.

Они вошли в один из классов.

– Здесь до сих пор стоят парты, – отметила Фиона.

– Да. В большинстве помещений в этом здании сохранилась оригинальная мебель. К моменту закрытия школа практически обанкротилась, а владельцам

главное было поскорее продать участок, так что они все здесь бросили.

Фиона прошла вперед. Парты были сделаны из очень старого тяжелого дерева, а их столешницы исписаны и исцарапаны не одним поколением учениц. Доска тоже до сих пор висела на стене, покрытая каракулями, сделанными мелом. На балках обосновались птичьи гнезда, штукатурка с потолка осыпалась на пол. На одной стене висел выцветший плакат со вздувшимися от воды краями с изображением шеренги радостных девочек с розовыми щеками и в форменной одежде. Надпись на плакате гласила: «Из хороших девочек получаются хорошие матери».

Фиона сделала еще несколько снимков. Запах плесени был здесь не таким сильным, как на первом этаже, но зато пахло чем-то другим – гнилым деревом и, как ей показалось, чем-то металлическим. Может быть, это из-за труб? Обойдя пустые парты и стулья, Фиона подошла к доске, исписанной именами, ругательствами, похабными рисунками. Пол был усыпан меловым крошевом, а на доске нарос такой толстый слой пыли и мела, словно сюда годами никто не заглядывал.

Фиона щелкнула фотоаппаратом еще пару раз и повернулась к окнам. Два стекла были разбиты, а подоконники прогнили в тех местах, куда попадали снег и дождь. Третье окно осталось целым.

– Пойдемте дальше, – сказал Энтони Иден за ее спиной. Он так и стоял на пороге, не заходя в комнату.

Фиона повернулась, и тут солнце высветило на третьем окне надпись, нацарапанную на грязной поверхности стекла. Буквы были по-паучьи тонкими.

СПОКОЙНОЙ

НОЧИ,

ПЕНОЧКА

Фиона нахмурилась. Надпись сделали относительно недавно, потому что буквы не были покрыты пылью, как доска. Их выцарапали чем-то острым, вроде гвоздя.

– Мисс Шеридан? – переспросил Иден.

Фиона бросила еще один долгий взгляд на надпись. Возможно ли, что здесь сегодня кто-то побывал? Как этот человек прошел через дверь, на которой стоит новый замок? Зачем вообще пробираться сюда ради подобного художества? И почему «спи спокойно, девочка»? Фиона подумала о Деб, лежащей на стылом поле в разорванном лифчике и рубашке, с застывшим лицом.

– Мисс Шеридан, – прервал ее размышления Энтони Иден. – Нам в самом деле пора идти.

Оторвав взгляд от окна, она последовала за ним в другой класс, затем в следующий. Если не обращать внимания на разруху (в одной комнате по стенам текла вода, в другой часть стены и вовсе обвалилась), складывалось ощущение, что девочки покинули школу буквально вчера – просто встали и ушли. Фиона остановилась у очередного разбитого окна и посмотрела на внутренний двор и расстилавшиеся за ним поля.

– А что там? – спросила она.

Иден застыл на пороге, и было видно, что ему снова не терпится уйти. Лицо его побледнело, и, пока Фиона молча ждала ответа, он вытащил из кармана большой платок и вытер лоб. Энтони посмотрел через ее голову на строительные машины, двигавшиеся в отдалении.

– Там работают люди, которых мы наняли, чтобы разобраться с водостоком. Насколько я понимаю, необходимо раскопать старый колодец. Думаю, вы уже получили представление о классных комнатах? Пойдемте в столовую.

Она снова пошла за ним по коридору.

– Мистер Иден…

– Называйте меня Энтони, пожалуйста. – Голос у него был напряженный.

– Хорошо, спасибо. Вы меня Фионой. Энтони, как вы думаете, как долго продлится реконструкция?

Он быстро шел по направлению к лестнице, не обращая внимания, успевает ли она за ним.

– Нам понадобится некоторое время, в особенности для того, чтобы заново уложить провалившиеся потолки. Но мы готовы сделать все качественно.

– Эта реконструкция была идеей вашей матери?

Энтони почти не скрывал холода в голосе:

– Да.

– Я бы очень хотела поговорить с ней.

– К сожалению, это невозможно. Моя мать не общается с журналистами.

«Это мы еще посмотрим», – подумала Фиона. Они спустились по лестнице, и Энтони повернул влево, ведя ее за собой через атриум. Ну уж нет, ничто не помешает ей встретиться с загадочной Маргарет Иден.

– Почему? Она больна? – спросила Фиона.

– Напротив, у нее идеальное здоровье. Она просто не хочет отвечать на вопросы прессы, вот и все.

Фиона продолжала гнуть свою линию:

– Почему она выбрала Айдлуайлд? Она здесь училась?

– Нет. Моя мать родом из Коннектикута. А отец из Мэриленда.

– Ваш отец был инвестором, – продолжила Фиона. – Может быть, это был один из его проектов, и ваша мать решила продолжить его дело?

Они дошли до черного хода, и Иден повернулся к ней лицом. Бледность частично исчезла с его лица, но сменивший ее румянец тоже был нездоровым.

– Все было совсем не так, – сказал он. – На самом деле мой отец не одобрял этот проект и запрещал матери в нем участвовать. Он говорил, что на нем мы лишь потеряем деньги. Мать смогла заняться реконструкцией лишь после его смерти.

Значит, вот как. В этом вопросе Энтони оказался на стороне отца, и ему не нравилось, что мать идет против воли своего покойного мужа. Вот почему ему было так неприятно находиться в этом месте. Фиона попыталась как-то смягчить диалог:

– Соболезную, – сказала она.

На мгновение Энтони замер.

– Спасибо, Фиона.

Затем он повернулся и отпер заднюю дверь, выходящую во внутренний двор.

Холодный ветер хлестнул Фиону по лицу и развеял запах сырости. После сумеречных классов ей хотелось моргать от яркого света, хотя солнце и пряталось за облаками. Что за черт вселился в Маргарет Иден, которая даже не бывала в этих местах? Почему она решила спустить все деньги на Айдлуайлд-холл?

Они пересекли внутренний двор. Когда-то это была аккуратная зеленая лужайка, где можно было прогуливаться или учить уроки, лежа на мягкой траве. Сейчас же она совсем заросла, а в это время года трава была коричневой и жухлой. Ветер продувал джинсы Фионы и холодил ей ноги.

Они стояли в задней части главного здания, с обратной стороны от оскалившегося окнами фасада. Слева находилась мрачная постройка из серого камня с темными окнами, из которой не доносилось ни звука.

– Что это? – спросила Фиона у Энтони.

Он быстро взглянул в ту сторону, куда она указывала.

– Это учительский корпус. Боюсь, я не могу провести вас туда. Его несколько раз затапливало, полы полностью прогнили, поэтому ходить там опасно. Столовой повезло больше, так что мы можем зайти внутрь.

Они двинулись в направлении дома справа от главного здания с очень большими окнами и двойными дверями.

– Все здания в этой школе выглядят по-разному, – заметила Фиона, пока они шли по разбитой тропинке. – Вы что-то знаете о местной архитектуре?

– Почти ничего, – ответил он. – Документов о том, кто строил школу, не сохранилось.

Он остановился.

– Если посмотреть вон туда и туда, – он указал рукой в черном рукаве на крышу главного здания, а затем на крышу столовой, – можно заметить, что здания не стыкуются. Из южных окон столовой видна только кирпичная стена главного корпуса. Очень странная конструкция.

– Думаете, постройку планировали в спешке?

– Понятия не имею, – ответил он. – Мы все еще размышляем, как нам быть. Во внутреннем дворе между двумя зданиями был сад, так что прежние владельцы, по крайней мере, пытались что-то с этим сделать. Но там наверняка почти не было света. Непонятно, что в нем выращивали или пытались выращивать.

Когда они проходили мимо, Фиона заглянула в щель между зданиями. И увидела то, что осталось от сада: заросший участок земли, опутанный мокрыми коричневыми лозами вьющихся растений. Солнечный свет падал сюда по касательной, и тени под мертвыми листьями были угольно-черными. Окна обоих зданий слепо уставились вниз.

На двери столовой тоже был электронный замок, и Энтони снова ввел нужную комбинацию. Войдя внутрь, Фиона поняла, что представляла себе столовую как

иллюстрацию из «Гарри Поттера» – высокие готические потолки, мягкий свет свечей. Но столовая Айдлуайлда была совсем другая. Штукатурка была сырой от плесени, стены покрыты пятнами влаги, такими темными, что в полумраке они напоминали потеки крови. Вдоль стен стояли тяжелые исцарапанные деревянные столы. Некоторые из них сбились в кучу, один был перевернут, и его ножки торчали вверх, словно кости из открытого перелома. Через голые окна внутрь проникал серый, резкий солнечный свет, ярко выделявший каждую деталь. Если классы казались просто заброшенными, то в этом помещении стояла атмосфера апокалипсиса, как будто здесь произошло нечто столь жуткое, что даже невозможно вообразить.

Фиона медленно вышла в середину зала. По шее у нее бежал холодок. Внезапно ей расхотелось делать фотографии – да что там, даже находиться здесь.

Она взглянула на Энтони и поняла, что он чувствует то же самое. Казалось, его вот-вот стошнит.

Он откашлялся, снова достал из кармана платок и начал свой рассказ:

– Кухня сохранилась в достаточно хорошем состоянии. Разумеется, технику нужно будет заменить, а полам и стенам требуется ремонт, но основа останется прежней. Мы надеемся открыть здесь кафетерий для учениц.

Фиона подошла к одному из окон. Он правда думает, что кому-то захочется здесь есть? Ее замутило от одной мысли об этом. «Люди всегда считали, что в школе живут привидения», – говорил Джейми. Конечно, это было всего лишь заброшенное здание, но, стоя в этом месте и глядя на столовую, Фиона понимала, откуда пошел слух про призраков. Сама она, разумеется, не верила в подобные вещи.

Она подняла фотоаппарат, чтобы сделать еще несколько снимков – пора было закругляться, как они договорились, – но ее отвлекло движение в окне. Угол обзора был другой, но вид тот же, который она наблюдала из окна классной комнаты: на другое здание и строительные работы. Энтони сказал, что прямо сейчас там раскапывают старый колодец. Окно было грязным, и Фиона, не думая, поджала пальцы и провела по нему ребром ладони, стирая пыль, чтобы лучше видеть. Она тут же пожалела, что дотронулась до чего-то в этой комнате, и опустила руку.

– У меня назначена еще одна встреча, – сказал Энтони, стоявший у двери. Он так и не зашел ни в одну комнату, что ей показывал. – Жаль, что мы не смогли провести с вами больше времени.

– У меня осталось несколько вопросов, – сказала Фиона, не отрывая глаз от происходящего на строительной площадке. Черный ковш экскаватора замер; двое мужчин в касках обсуждали что-то, стоя на траве. Затем к ним прибавился третий, а за ним четвертый.

– Можем попробовать встретиться еще раз, но у меня мало свободного времени. – Он сделал паузу. – Фиона?

– Там что-то случилось, – ответила она и показала на строительную площадку через стекло. – Строители перестали работать.

– Возможно, у них просто перерыв.

– Не похоже, что они отдыхают, – сказала Фиона. Четвертый человек поднес к уху телефон, а со стороны поля для хоккея в сторону всей компании торопился пятый. Видно было, что он встревожен.

– Кажется, они вызвали прораба, – предположила она.

– Откуда вам это знать?

Фиона нутром чувствовала, что что-то неладно. Она смотрела на мужчин, которые стояли голова к голове, напряженные и взволнованные. Один из них быстро отошел к кустам, зажимая рукой рот.

Затем в отсыревшей тишине столовой зазвонил телефон Энтони.

Фиона даже не посмотрела в его сторону – ей было достаточно слышать его голос, который с каждым ответом становился жестче и резче. Он выслушал длинный рассказ звонившего и сказал:

– Сейчас подойду, – и повесил трубку.

Фиона повернулась. Он стоял очень тихо и смотрел вдаль – мужчина в черном кашемировом пальто в заброшенной комнате. Сунув руки в карманы, он поднял на нее глаза – снова побледневший, на лице написана тревога.

– Они кое-что обнаружили, – сказал он. – Я не знаю… Нечто. В общем, там труп. В колодце.

Время словно замерло, когда Фиона резко выдохнула. Она чувствовала удивление, возможно, даже шок. Но какой-то частью сознания она понимала, что это было неизбежно. И что она не ожидала ничего другого.

«Разумеется, тут должны быть мертвецы. Это же Айдлуайлд-холл».

– Отведите меня туда, – сказала она. – Я могу помочь.

Глава 6

Сисси

Бэрроне, Вермонт

Октябрь 1950 г.

Она постоянно хотела есть, и это надоедало. Сисси было 15 лет, и она чувствовала голод с утра до ночи. Собственное тело казалось ей пустым, как труба. В Айдлуайлде учениц кормили три раза в день, но все, что Сисси съедала, исчезало, как только касалось ее губ. Ей было стыдно, и не потому, что она была толстой, – на самом деле лишь полноватой, – а потому, что голод заставлял ее мечтать о столовой. Никто не мечтал о столовой, потому что это было ужасное место.

Было время ужина, и Сисси шла к столу вслед за Кейти через толпу девочек. Даже в школьной форме Кейти умудрялась выглядеть красиво. Можно было надеть на нее колючую клетчатую юбку, дешевую белую блузку и толстый

зимний кардиган, и она все равно была бы похожа на Хеди Ламарр. Сисси знала, что ее собственное круглое лицо и короткие темные волосы тоже были достаточно миловидными, но рядом с красавицей Кейти она чувствовала себя чучелом огородным. Кейти знала все на свете и ничего не боялась. Именно такой Сисси хотелось быть. Так как Сисси была одной из немногих учениц, которых Кейти не ненавидела, Снеси прицепилась к ней, как репей, и постоянно приносила ей обрывки сплетен, которые удавалось разнюхать.

Сегодня у нее была припасена отличная история, и Снеси чувствовала возбуждение.

– Знаешь, что сегодня будет? – сказала она заговорщицким тоном, когда они сели к одному из столов, заставив подвинуться пару девочек. Она наклонилась к уху Кейти: – Пэт Клейман даст мне «Любовника леди Чаттерлей».

Кейти уставилась на нее, широко раскрыв свои чувственные, обрамленные черными ресницами глаза. Ее рука с вилкой застыла в воздухе. Два месяца назад брат Пэт Клейман протащил книгу в школу во время посещения, и с тех пор она переходила от ученицы к ученице. Все девочки в школе по ней с ума сходили.

– Да ты шутишь, – сказал Кейти. – Как тебе это удалось?

– Это было нелегко. Пришлось дать Пэт десять долларов.

Глаза у Кейти стали еще шире.

– Десять долларов? Сисси, откуда у тебя такие деньги?

Сисси пожала плечами:

– Отец мне иногда присылает. Да и выбор был – читать книжку или подборку «Лайф» двухлетней давности от Сандры Крекли.

В тот день на ужин были говядина, картофельное пюре, кукуруза со сливками и липкий и сладкий хлеб. Сисси думала, что он якобы тоже из кукурузы, но вкуса у него не было вообще. Кейти с задумчивым выражением лица зачерпнула вилкой картофельное пюре и отправила в рот. Сисси наблюдала, как она обводит

взглядом комнату, сузив глаза, как будто что-то прикидывая. Она всегда замечала вещи, которые ускользали от Сисси.

– Тебе придется читать вслух всю клубничку, – сказала Кейти.

– Я не смогу, – покраснела Снеси. – Вот уж нет. Когда я доберусь до самого интересного, то передам книжку тебе.

– Ну ладно, я вам прочитаю. – Кейти отбросила волосы назад и снова принялась за картошку. – Вряд ли там написано что-то, чего я не знаю.

Типично для Кейти. Она всегда делала вид, что у нее есть опыт в отношениях с мужчинами, хотя Сис-си заметила, что она никогда не вдается в детали. Но ей было все равно.

– Я слышала, там сплошная пошлятина, – сказала она, стараясь удержать внимание Кейти. – Пэт говорит, там даже есть ругательства. И они делают всякие вещи.

Но Кейти уже отвлеклась. В заднем углу столовой ругались Элисон Гарднер и Шерри Кустапос. Они сидели за столом, склонив головы, и было видно, что Шерри в ярости поджимает губы. Кейти настороженно поглядывала на них. У нее как будто имелся радар, настроенный на поиск неприятностей.

Сисси попыталась ее отвлечь:

– Смотри, вон Роберта.

Роберта шла через зал, держа в руках деревянный поднос с едой. Она села за стол со своей хоккейной командой. Другие девочки хихикали и болтали, но Роберта вела себя тихо. Сисси посмотрела в свою тарелку, поняла, что уже давно все съела, и отложила вилку и нож.

– Ты когда-нибудь задумывалась, почему Роберту отправили в Айдлуайлд? – спросила Кейти. – Она хорошо учится, занимается спортом. Не похоже, чтобы это было место для нее.

– А, ну это понятно, – не задумываясь ответила Сисси. – Ее дядя вернулся с войны и пытался покончить с собой, а Роберта стала свидетелем. Поэтому ее отослали из семьи.

– Что? – Кейти уставилась на Сисси, и та поняла, что сейчас заработала куда больше очков, чем за «Любовника леди Чаттерлей». – Откуда ты это знаешь?

– Сьюзан Брейди – не просто комендант общежития, знаешь ли. Она в курсе всего, что происходит. Она услышала, как миссис Максвелл говорит об этом миссис Пибоди, а потом рассказала мне.

Кейти обдумала это:

– Все равно не понимаю. Зачем отсылать Роберту, если крыша поехала у ее дяди?

– Может быть, она увидела кровь, и с ней случился нервный припадок, а может, еще что, – сказала Сисси. – Если бы я увидела что-то такое, я бы захотела оказаться как можно дальше от этого места.

Это было разумное замечание. Они обе посмотрели на Роберту, которая молча ела свой ужин. Лицо у нее было белым как мел.

– Не высовывайся, – предупредила Кейти через минуту. – Вон идет Леди Ку-ку.

Ссора за дальним столом продолжалась. Шерри Кустапос вскочила, толкнув коленями лавку. Элисон все еще сидела, доедая кукурузу, но лицо у нее было красным от злости. Сисси лишь однажды чувствовала на себе гнев Элисон – это было в ее первый месяц в Айдлуайлде. Элисон обозвала ее «жирной коровой» и ударила сломанной ракеткой для бадминтона. Сисси не хотелось бы, чтобы это повторилось. Элисон ненавидела всех на свете, и если уж била, то била больно.

Через комнату на звук ссоры спешила мисс Лондон, учительница, известная всей школе как Леди Ку-ку. Ее грязные светлые волосы торчали из пучка на голове, а подмышки синтетического платья в цветочек были мокрыми. Это была самая молодая преподавательница Айдлуайлда – ей еще не было 30-ти. В школе она провела полгода и до сих пор так и не приспособилась к ее условиям. Смена

настроения у девочек сводила ее с ума, их ссоры ее бесили, а отсутствие дисциплины приводило в ярость. Так как в школе училось более сотни девочек-подростков, большинство из которых были неисправимы и каждый день действовали ей на нервы, у мисс Лондон постоянно случались припадки неконтролируемого гнева. Это было бы смешно, если бы в них не чувствовалось эхо обреченности.

– Леди, – попыталась она перекричать шум ссоры. – Леди! А ну-ка сядьте!

Девочки не обратили на нее внимания. Сисси ахнула, увидев, как Шерри наклоняется и плюет в тарелку Элисон. Элисон тут же вскочила и ударила Шерри со всей силы. Когда ее тяжелый крепкий кулак врезался в нос Элисон, послышался треск.

Другие учителя, стоявшие у стены, неохотно двинулись в сторону драки, что-то бормоча. Леди Ку-ку (она всегда обращалась к девочкам «леди», за что и получила свое прозвище) схватила Элисон за локоть и выволокла ее из-за стола. Шум стоял оглушительный. Девочки кричали, Шерри визжала, у нее текла кровь, группа учителей подходила все ближе. Сисси не слышала голоса Леди Ку-ку, но читала по губам ее слова: «Леди, успокойтесь! Успокойтесь!» Она заметила, как между пальцев Шерри стекает кровь и капает на пол, и придвинулась поближе к Кейти.

– Ненавижу кровь, – сказала она.

Она проследила за взглядом Кейти, которая отвлеклась от сцены за дальним столом и смотрела в другую сторону. Перед одним из больших окон столовой, за спинами возбужденных учениц, стояла Соня. Она казалась очень спокойной, а лицо ее было белым. Почему Сисси никогда не замечала, какая она маленькая? Соня всегда казалась ей прочной, как клинок, узкой, но несгибаемой. Однако она была ниже, чем большинство окружавших ее учениц, и когда одна из них толкнула Соню, пытаясь пробраться поближе к месту драки, Соня едва не упала на пол, как тряпичная кукла.

Но больше всего Сисси обеспокоило ее лицо. Оно было пустым, как белый лист бумаги, губы приоткрыты. Исчезло обычное выражение тихой работы ума, как будто она обдумывает какую-то увлекательную мысль, которой не хочет делиться с другими. Руки Сони висели вдоль тела. Глаза, обычно

наблюдательные и чуточку хитрые, были широко распахнуты, будто она видела что-то перед собой.

Леди Ку-ку была занята Элисон, которая отбивалась и орала. Шерри упала на колени, одна из ее подружек была в обмороке. Учителя смешались с толпой девчонок, пытаясь поднять Шерри и расчистить место возле упавшей ученицы. Миссис Пибоди схватила Элисон за другую руку, и Сисси услышала ее густой голос:

– Что ж, девочка, ты отправляешься в карцер. Ты меня слышишь? Вперед, шевелись.

Сисси снова перевела взгляд на Соню. Та все смотрела в одну точку. Кожа ее посерела.

Сисси увидела, как Роберта поднялась из-за стола в другом конце столовой и начала проталкиваться к Соне, лицо которой одеревенело от страха.

– Кейти, – воскликнула Сисси, перекрикивая шум, – кажется, Соне плохо!

Кейти дотронулась до ее запястья:

– Скорее.

Она поднялась с места, и Сисси последовала за ней, огибая вспотевших, возбужденных девочек.

Роберта подходила с другой стороны, но медленнее, потому что застряла в толпе хоккеисток.

Кейти привычно проталкивалась вперед, задевая учениц в шерстяной школьной форме локтями и коленями. Снеси шла за ней, и у нее перед глазами стояло землистое лицо Сони. «С ней что-то не так. Как мы могли этого не замечать? Как мы раньше не увидели, что с Соней что-то не так?»

Соня неподвижно стояла у окна. Кейти добралась до нее и взяла за руку. Снеси, не думая, сделала то же самое, так что теперь Соня была под их защитой с

обеих сторон.

Когда Снеси была маленькой и училась в своем первом интернате, ее богатый отец прислал ей рождественский подарок – куклу-пупса. У нее были жутковатые стеклянные глаза, прочная голова и твердые ладошки с крохотными пальчиками. Сейчас рука Сони напоминала Снеси одну из этих ладошек – она была маленькой, ледяной, зажатой, одновременно живой и неживой. Снеси крепко держала ее, пока они с Кейти осторожно выводили подругу из зала. Краем глаза она заметила, что Роберта идет за ними широкими шагами, быстро сокращая расстояние. Ее коса болталась из стороны в сторону, а на лице была написана тревога.

Соня не сопротивлялась и не издавала ни звука. Ноги ее шагали в такт шагам Кейти и Снеси, но руки были неподвижны. Они вышли из зала на сырой воздух и вчетвером направились в сторону Клейтон-холла. Снеси понятия не имела, что с Соней, но внезапно поняла, что говорит ей:

– Все хорошо. Все будет хорошо.

– Может, отвести ее в лазарет? – спросила Роберта. Лазарет находился через двор от них в учительском корпусе.

– Нет, – ответила Кейти ровным голосом. – Незачем ее вести к сестре Хедмейер, она все равно не поможет. Просто доведем ее до спальни. Шевелитесь.

– Нужно кому-то сказать, – предложила Снеси.

– Кому? – Кейти повернулась к ней, не сбавляя шага. Глаза у нее были такие злые, что Снеси почувствовала, как бледнеет. – Леди Ку-ку? Миссис Пибоди? Сказать про вот это все? Ты с ума сошла, что ли? Они ее накажут.

– Заткнись, Кейти, – сказала Роберта. – Она просто хочет помочь.

Сисси посмотрела на пепельно-серое лицо Сони, на ее полуприкрытые глаза. Она не понимала, что происходит. Как всегда. Она такая дурочка.

– Что с ней?

Никто не ответил. Они зашли в Клейтон-холл и помогли Соне подняться по лестнице на третий этаж. Соня пыталась идти между ними, но ноги у нее подгибались, а голова клонилась вниз. Она сказала что-то по-французски, какую-то заученную фразу, которая сорвалась с ее губ автоматически.

Никто из девочек не знал французского, но Сисси наблюдала за лицом Сони до тех пор, пока все четверо не добрались до четвертого этажа.

– Мне кажется, она молится.

– Ничего подобного, – ответила Кейти.

В спальне они уложили Соню на ее кровать поверх покрывала и сняли с нее туфли. Соня снова что-то пробормотала, и на сей раз это были английские слова вперемешку с французскими. Сисси наклонила голову к ее губам и расслышала: «Пожалуйста, я не хочу туда. Не надо. Я не буду шуметь».

Она говорила едва слышно. Наконец в какой-то момент Соня перекатилась на спину, и закрыла лицо руками, словно отгораживаясь от остальных девочек.

Ее худые коленки торчали вверх из-под задравшейся юбки.

Роберта сидела на краю кровати. Кейти стояла, глядя на Соню сверху вниз, и лицо ее было непроницаемым и темным. Затем она сказала:

– Я схожу за водой. – И вышла из комнаты.

Сисси посмотрела на Роберту: красивое удлиненное лицо, завязанные на затылке светлые волосы. Когда Роберта смотрела на Соню, она выглядела взволнованной и одновременно понимающей. Вряд ли кто-то сейчас хотел разговаривать, но Сисси не могла сдержаться.

– Как ты поняла, что происходит? – спросила она. – И откуда ты знала, что делать?

– Я не знала, – покачала головой Роберта.

– С ней уже случалось такое раньше, и ты это видела?

Пауза продолжалась на долю секунды дольше, чем следовало.

– Нет.

Лицо Роберты медленно менялось, словно закрываясь, с него исчезли эмоции. Она стала бесчувственной, как статуя. Может быть, после того как дядя Роберты пытался совершить самоубийство, у нее самой были такие же припадки? Может быть, за ее тихим поведением, ее уверенностью в себе скрывалось что-то еще?

– Что это означает? – спросила Сисси. – Она заболела?

– Заткнись, Сисси.

Но она не могла. Когда Сисси боялась или нервничала, она всегда много болтала.

– Кейти тоже знала, что происходит. Она это уже видела.

– Нет. – Кейти стояла в дверях со стаканом воды в руках. – Я импровизировала. С ней случилось что-то вроде шока, и она почти что упала в обморок. Нужно было увести ее оттуда, пока учителя не заметили. Выпей, Соня.

Она присела, отвела одну ладонь от лица Сони, запрокинула ее голову назад и посмотрела ей в глаза.

– Слушай сюда, – четко сказала Кейти. – Люди видели, как мы уходили из зала. Если ты не возьмешь себя в руки, будет плохо. Когда падаешь в обморок, тебя наказывают. Так что вставай.

Сисси открыла рот, чтобы сказать, что так нельзя, но, к ее удивлению, Соня перекинула ноги через бортик кровати и села. Она покачнулась, но затем протянула руку.

– Дайте воды, – сказала она скрипучим голосом, в котором французский акцент слышался сильнее обычного.

В двери постучали.

– Леди!

Это была Леди Ку-ку.

– Что у вас происходит?

Кейти кивнула Роберте, та поднялась и отперла замок.

– Ничего, мисс Лондон, – ответила она. – У Сони закружилась голова, но сейчас она в порядке.

Соня в этот момент пила воду, но сумела отставить стакан и посмотреть на учительницу:

– Я боюсь вида крови, – сказала она.

Леди Ку-ку провела рукой по своим растрепанным волосам.

– Послеобеденные занятия начинаются через 20 минут, – сказала она. – Отсутствующие будут подвергнуты наказанию. Это понятно?

– Да, мисс Лондон, – ответила Сисси.

Учительница бросила беспомощный взгляд в один конец коридора, затем в другой и направилась к лестнице.

Сисси посмотрела на лица других девочек. Что бы ни произошло в столовой, у Сони от этого едва не случился нервный срыв. Что за ужас она пережила, что вид двух дерущихся девочек вызвал в ней такие воспоминания? Обычно Сисси чувствовала себя самой глупой, но сейчас ей начинало казаться, что она понимает. Она не знала о своих подругах всего, но они были девочками из Айдлуайлда, а сюда никто не попадал без причины. Кейти была жесткой, а Роберта – безразличной по причине некоего происшествия, и они инстинктивно чувствовали это друг в друге. Никто не знал наверняка, что не так с Соней, но

все они узнали это чувство.

«Пожалуйста, я не хочу туда», – сказала Соня. Сисси не понимала, что это значит, но ей было жутко. Это было нечто куда более страшное, чем пережитое каждой из них.

Сисси не была желанным ребенком, но всегда чувствовала себя защищенной. Ни разу в жизни ей не доводилось пережить такой ужас, какой появился в глазах Сони. С ней никогда не случалось ничего по-настоящему плохого.

Кроме воды. В тот день, много лет назад, когда они были с мамой на пляже и плавали в океане. Когда она смотрела вверх из-под воды на мамино лицо и не могла дышать. А потом наступила темнота.

Но с тех пор прошло много лет. И это была случайность.

Мама говорила Сисси, что с девочками то и дело происходят случайности.

Глава 7

Бэрроне, Вермонт

Ноябрь 2014 г.

От столовой до колодца они дошли по замерзшей грязи за двадцать минут. Фиона шла позади Энтони Идена, глядя на его кашемировую спину, а он решительно шагал вперед в своих дорогих туфлях. Одной рукой она придерживала фотоаппарат, чтобы тот не бился о грудь. Фиона радовалась, что надела на эту встречу походные ботинки. С того момента как Энтони позвонили, она просто шла за ним, молча, а он, видимо, был так взволнован, что не просил ее уйти.

Через просветы между деревьями было видно поле для игры в хоккей с мячом, на котором нашли Деб. Оно все заросло дикой травой. По дороге к нему располагался крытый спортивный зал с раздевалкой – здание настолько ветхое,

что буквально разваливалось на глазах. На стрехах под свесами крыши прилепилось множество гнезд, свитых несколькими поколениями птиц.

Строители сбились в плотную группу. Один из них пытался развернуть кусок пластиковой пленки радостного ярко-голубого цвета, другие смотрели на приближающегося Энтони. Прораб выступил вперед.

– Вы уверены? – спросил Иден.

Лицо у прораба было серым.

– Да, сэр, – ответил он. – Тут все очевидно.

– Это не розыгрыш? Сюда много лет лазили подростки, чтобы попугать друг друга.

Прораб покачал головой:

– Нет. Я 20 лет работаю и до сих пор ничего подобного не видел.

Энтони поджал губы:

– Дайте мне взглянуть.

Его повели вдоль отвала. Неподалеку тихо и неподвижно стоял экскаватор и еще какая-то машина для раскопок. В склоне отвала была вырыта огромная яма с рваными краями из грязи с обломками кирпича. Хотя стоял день, в центре ямы было темно, как будто она вела в пропасть, куда не проникал солнечный свет.

– Вон там, – сказал прораб.

Из ямы шел сырой затхлый запах, который начинал ощущаться где-то в затылке и спускался вниз по позвоночнику. Энтони взял у одного из строителей большой фонарь и подошел к яме, аккуратно перешагивая кожаными туфлями через комья грязи и осколки кирпича. Фиону подташнивало от запаха, но она следовала за ним.

Энтони включил фонарь и направил его в темноту.

– Я ничего не вижу.

– Чуть ниже, сэр, и вы увидите… – прораб сделал паузу. – Увидите ее.

Ее.

Фиона смотрела, как круг света спускается все глубже и глубже в колодец. Дальняя его стена была цела, со скользкими и сырыми кирпичами. Руки у Фионы замерзли, но она не могла засунуть их в карманы. Она вообще была не в состоянии пошевелиться.

А вот и она.

Это был не розыгрыш.

Тело девочки было скрючено, колени подогнуты и прижаты к подбородку. Голова была опущена вниз, как будто она скорбно кивнула, лицо скрыто. По спине тянулись длинные пряди сгнивших волос. Одна рука лежала вдоль тела, скрытая в темноте, второй она держала себя за лодыжку, вернее, за темную крапчатую кость – все, что от нее осталось. Обувь девочки, видимо, была кожаной, а потому сгнила, оставив только резиновые подошвы. На теле были видны лохмотья, видимо, остатки тонкого шерстяного пальто. Круглый воротник на шее был единственным, что осталось от блузки. Цвет юбки невозможно было распознать из-за плесени, а нитки, висевшие ниже коленей, указывали, что на девочке были шерстяные чулки.

– В колодце нет воды, – раздался низкий, сдавленный голос прораба. – Он высох, поэтому его больше не использовали. Вода ушла…

Он запнулся, и Фиона предположила, что он жестом куда-то показывал. Ни она, ни Энтони не смотрели в его сторону.

– Так что тут довольно влажно, но все же… Она тут просто лежала.

Фиона сглотнула и попросила Энтони:

– Дайте мне фонарь.

Энтони, который, казалось, замер, глядя на девочку, быстро передал ей фонарь, и она направила луч света на юбку:

– Цвет не разобрать, – сказала Фиона. – Форменные цвета Айдлуайлда были темно-синий и темно-зеленый.

Прошлой ночью, роясь в документах, она видела не одну общую классную фотографию – ряды девочек в одинаковых юбках и блузках.

– Не могу понять, действительно ли это та клетка, какую носили местные девочки.

– Она здесь училась, – произнес Энтони. Голос у него был низким, а речь казалась механической, как будто он не понимал, что говорит. – Это точно. Посмотрите на нее.

– Она такая маленькая, – сказала Фиона, снова проводя лучом фонаря по телу. – Совсем маленькая девочка.

– Не девочка, – он почти шептал. – Не просто ребенок. А девушка. Это катастрофа. Она нас погубит – весь проект, всё.

Он повернулся и посмотрел на нее, как будто вспоминая, кто она такая:

– Господи. Вы же журналистка. Наверняка вы решите написать об этом? Что вы намерены делать?

Фиона оторвала взгляд от девочки в яме и перевела на Энтони. При виде мертвого тела она почувствовала, как что-то копошится у нее под кожей. Не просто отвращение или жалость, а нечто большее. Что-то, связанное с Деб и со словами, нацарапанными на окне. «Спи спокойно, девочка».

– Не знаю, – сказала она. – Может быть, она просто упала в колодец. Но я все равно про нее напишу.

Она увидела, как захлопывается его рот и он начинает обдумывать ситуацию: юристы, соглашения о неразглашении, запретительные приказы. Но все это не имело смысла. Фиона стояла рядом с ним и смотрела на тело. Сохранить это в тайне не удастся.

– Не верю, что вы настолько подлый человек, – наконец сказал он.

– Я не знаю, какой я человек, – ответила Фиона, – но уж точно не подлый. Я просто журналистка. А эту историю, – она указала на разинутую пасть ямы и на тело в ней, – следует рассказать с уважением.

Она подумала о Деб и о репортажах двадцатилетней давности.

– Я могу это сделать. Возможно, я единственная, кто может сделать это, как надо.

Он некоторое время молчал:

– Вы не можете этого гарантировать. Полиция…

– С этим я тоже могу помочь, – она достала телефон и набрала номер. – Послушайте.

После всего двух звонков Джейми поднял трубку: – Фи?

– Джейми, я в Айдлуайлде. Нам потребуется наряд полиции.

Он замолчал, удивленный. Фиона позвонила ему на личный номер.

– В чем дело? Что там происходит?

– Строители нашли на территории тело.

– Черт! Черт! Фи. Позвони 911.

Фиона поняла, что неправильно использовала терминологию:

– Не тело, а останки. Совершенно точно человеческие. Возможно, им несколько десятков лет. Нужны будут коронер и полиция. Но все должно быть тихо, понимаешь? Есть вероятность, что это был… несчастный случай. Она могла просто упасть.

– Она?

– Да. Владелец не хочет шумихи до тех пор, пока ее не опознают и не станет понятно, что к чему. Это можно устроить?

Джейми на секунду замолчал.

– Хорошо, – наконец ответил он. – Я этим займусь. Мы выезжаем.

– Благодарю вас за помощь, – сказал Энтони, когда она положила трубку. – Но смысла в этом нет.

– Почему вы так уверены?

Он положил свою ледяную ладонь поверх ее руки с фонарем и направил его на затылок мертвой девочки.

– Посмотрите туда. Все еще думаете, что она просто упала?

Фиона посмотрела. «Кто ты такая? – думала она. – Что произошло? Кто ты и как ты здесь оказалась?»

За годы, что тело пролежало в земле, следы крови исчезли, но под прядями волос главное было видно. Голова девочки была разбита, и затылок представлял из себя крошево костей.

* * *

День был долгим и полным холодного света, который начал тускнеть ближе к вечеру. К шести часам на месте преступления, позади двух палаток, в которых

работали специалисты, полиция установила прожекторы. Одна располагалась над руинами колодца, а во вторую перенесли тело, чтобы осмотреть и сфотографировать. Команда была совсем небольшой. После обнаружения тела Деб в новостях показывали целые толпы людей: полицейских, которые не пускали к месту преступления зевак и прочесывали местность в поисках следов; снующих туда-сюда детективов и судебных экспертов. Но на этот раз все было по-другому. Лишь несколько полицейских, которые переходили из палатки в палатку, разговаривая тихо, как в библиотеке. Из посторонних – только сама Фиона, сидевшая на куче разбитых кирпичей из колодца и потягивавшая горячий кофе из стаканчика. Энтони Иден уехал – видимо, чтобы доложить о происшествии матери. Вместе с другими полицейскими приехал и Джейми.

Он вышел из палатки, в которую перенесли останки, подошел к Фионе и присел рядом. На нем была тяжелая форменная куртка. В закатном свете его волосы казались темнее, а бородка сверкала золотом.

– Мы почти закончили, – сказал он.

Фиона кивнула и подвинулась, чтобы ему было удобнее сидеть.

– Спасибо за кофе.

– Не за что. Ты и так проторчала тут весь день. И наверняка замерзла.

– Со мной все нормально.

Пальцы в ботинках для хайкинга слегка онемели, сидеть тоже было неудобно, но со всем этим она могла справиться. Она уже давно отнесла фотоаппарат в машину, потому что снимать здесь ей бы не дали.

– Ты можешь мне что-нибудь рассказать?

Он посмотрел в сторону палатки и как будто бы задумался:

– Между нами, надеюсь?

– Ты серьезно?

– Я обязан спрашивать. Это моя работа.

Фиона провела большим пальцем по ободку стакана с кофе.

– Хорошо. Между нами.

– Это девушка-подросток, – сказал Джейми. – 14–15 лет. Она выглядит моложе своего возраста, но Дейв Сондерс провел анализ костей и уверен в результатах.

– Причина смерти?

– Пока не провели вскрытие, это только предварительная версия, но ты видела ее голову. Сондерс предполагает удар большим тупым предметом, например камнем или черенком лопаты.

– Она не могла просто разбить голову, когда упала в колодец?

– Нет. Камни там не той формы и не того размера. И слишком гладкие.

Фиона ожидала чего-то подобного, но все равно почувствовала комок в животе. Ее взгляд переместился на деревья, в промежутках между которыми было видно поле, где нашли Деб. Две мертвые девочки на расстоянии всего 400 футов друг от друга.

– Сколько лет она тут пролежала?

– Судя по степени разложения, не меньше сорока. Сондерс говорит, что она хорошо сохранилась, потому что находилась в колодце, но не в воде. Сейчас уже невозможно определить, была ли она изнасилована. Тело не тронули животные или внешние условия, но оно сильно разложилось. Она пролежала здесь очень долго.

В ту ночь, когда убили Деб, эта девочка уже лежала здесь, свернувшись калачиком внутри колодца. Она оставалась здесь и после смерти Деб, когда ту обнаружили на поле. Айдлуайлд стал местом смерти двух девочек, разделенных несколькими десятилетиями. Фиона не могла оставаться в стороне.

– Я видела на фотографиях форму, которую носили местные ученицы. Не похоже, что на ней такая, правда?

Джейми промолчал, Фиона повернулась и взглянула на него. Он по-прежнему, сжав губы, смотрел на палатку, в которой лежало тело.

– Что? – спросила Фиона. – Ты знаешь что-то еще?

Он колебался:

– Мы пока не полностью уверены. И если я тебе скажу, пообещай не лезть во все это. По крайней мере, до тех пор, пока мы не сообщим ее семье.

Фиона почувствовала, как волоски у нее на шее встают дыбом:

– Вы ее опознали?

– В воротничок ее блузки был вшит ярлык. С именем.

– Рассказывай.

– Фи, ты уже побывала по другую сторону такого расследования. Если у нее есть семья и мы хоть в чем-то допустим ошибку, мы сделаем только хуже.

Фиона это понимала. Она помнила, как в тот день полицейские постучали в их дверь, как она посмотрела на их лица и поняла, что Деб больше не считается пропавшей без вести. Она вытащила из заднего кармана джинсов блокнот и ручку.

– Просто скажи мне имя.

– Еще раз предупреждаю – не нужно в этом копаться. Дай нам хотя бы несколько дней. Это полицейское расследование.

– Я знаю, – Фиона смотрела на него и ждала. – Джейми, я знаю. Скажи мне.

Он вытер лицо рукой.

– Соня Галлипо, – сказал он. – Фамилия мне незнакома, скорее всего, ее семья не из местных. Возможно, она была приезжей ученицей. Пропавших девочек с таким именем я тоже не помню, но уже сказал Харви, чтобы тот покопался в наших архивах. Он обещал позвонить с минуты на минуту. Но у нас пока что нет доказательств, что это действительно Соня Галлипо – возможно, другая девочка надела ее блузку. Или одолжила, или украла, или купила в секонд-хенде.

Фиона записала имя в блокнот.

– Я тоже поищу по ней информацию, – сказала она и предупреждающе подняла руку, прежде чем Джейми успел заговорить. – Только в интернете, и все. Никаких звонков. И спрошу у отца.

Джейми уже открыл рот, чтобы ответить на это, но решил, что промолчать будет разумнее. Как бы там ни было, он был достаточно умен, чтобы не отказываться от помощи Малкольма, если мог продвинуться в расследовании.

– Я хочу знать обо всем, что он скажет. И что ты найдешь.

– Я заеду к тебе попозже. – Фиона засунула блокнот и ручку в карман, обвила одной рукой его шею и придвинулась поближе, к самому его уху, даже сквозь куртку чувствуя, как напрягаются мышцы на плечах Джейми. – Привезу еды, и мы обменяемся информацией. Quid pro quo. Как тебе такой план?

Он все еще смотрел вперед, но щеки у него вспыхнули.

– Что ты со мной делаешь, а? – ответил он, встряхивая головой. – Захвати пиво.

– Договорились.

Фиона могла поцеловать его, но не стала. Вместо этого она поднялась и пошла по грязной тропинке к своей машине, не оглядываясь.

Глава 8

Соня

Бэрроне, Вермонт

Октябрь 1950 г.

Ее спасением были книги. В детстве у нее была целая полка любимых книжек, которые она постоянно перечитывала. Но позже, во время тянущихся дней в больнице, долгого путешествия и холодных месяцев в мрачных корпусах Айдлуайлда, книги стали чем-то большим, чем просто историями. Они питали ее, и читать для нее было так же важно, как дышать.

Даже сейчас, на уроке, Соня то и дело касалась пожелтевших страниц своего учебника по латыни. Это ее слегка успокаивало. Миссис Пибоди у доски бубнила о спряжении глаголов, и десять учениц в классе не находили себе места от скуки. Шарлотта Кэнкл оторвала заусенец на большом пальце и, нахмурившись, смотрела на появившуюся на его месте каплю крови. Синди Беншоу ерзала на стуле и почесывала ухо. Каждый раз, когда она поднимала руку, у нее под мышкой проглядывали круги пота, словно годовые кольца на старом дереве. На улице было холодно, но в классе стояла духота, наполненная запахами мела и немытых девичьих тел.

Соня уже знала эту тему – она давно прочитала весь учебник до конца, просто не смогла удержаться.

Книги в Айдлуайлде были наперечет. В школе – ни библиотеки, ни уроков литературы, ни доброго библиотекаря, который с улыбкой протягивал бы посетительницам новинки с книжных полок. Книги привозили в Айдлуайлд только родители или друзья во время редких семейных дней да самые удачливые девчонки, ездившие домой на рождественские каникулы. В результате каждая книга в Айдлуайлде, какой бы скучной или глупой она ни была, проходила через сотни рук, в какой-то момент разваливаясь на части, и следующие читательницы стягивали их резинкой. А когда новых книг в школе не оставалось, самые отчаявшиеся девочки брались за учебники.

Почти не слушая миссис Пибоди, Соня пролистывала страницы учебника по латыни в поисках карандашных записей – вроде той, что Кейти показывала им ночью с фонариком. Дойдя до первой страницы алфавитного указателя, она увидела сообщение на полях:

«Мэри ненавидит учителей больше, чем нас. Джесси Данн, январь 1947 года».

Соня подняла глаза от страницы и посмотрела на миссис Пибоди. Та писала на доске, повернувшись к классу спиной. Было видно, что ее широкая талия под синтетическим платьем перетянута плохо сидящим корсетом. Айдлуайлд обещал сделать своих учениц образованными и готовыми к великим свершениям – Брин-Мару, Йелю, Гарварду. Но в эти обещания не верили даже сами учителя.

В висках у Сони стучала кровь – последствия вчерашнего приступа в столовой. Детали произошедшего она помнила смутно, и в ее голове как будто проигрывалась пленка, косо установленная в кинопроектор. Во время ужина она смотрела на драку, слышала крики учителей, но не могла пошевелиться. Пока подруги вели ее в спальню, она гнала от себя невнятное жуткое воспоминание о чем-то, чего ей больше никогда не хотелось видеть.

Шарлотта Кэнкл сунула палец в рот, слизывая кровь, и посмотрела на миссис Пибоди сонным, почти загипнотизированным взглядом. Соня завидовала тому, как Шарлотте удается отключать мозг и вообще ни о чем не думать. Сама она так не умела. Но Соне помогали книги – вкладывали ей в голову нужные мысли, чтобы своих не оставалось. Ее сокровищем был выпуск альманаха «Блэкиз Герлз», забытый на полке в спальне кем-то из прошлых учениц. Она заметила его раньше всех и теперь могла бесконечно рассматривать фотографии 30-летней давности и читать странные истории об английских школьницах, постоянно устраивающих пикники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sent-dzheyms_simona/slomannye-devochki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить